

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»
Факультет истории, коммуникации и туризма
Кафедра истории Беларуси, археологии и специальных исторических
дисциплин**

Настусевич Станислав Валерьевич

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ В ИЗУЧЕНИИ
БИОГРАФИИ АЛОИЗЫ ПАШКЕВИЧ**

Дипломная работа
студента IV курса дневной формы обучения
специальность 1-21 03 01-02 История (археология)

Научный руководитель: кандидат
исторических наук,
доцент В.В. Калюта

(подпись)

« ____ » _____ 2017 г.

Допущена к защите
Заведующий кафедрой истории Беларуси,
археологии и специальных исторических дисциплин,
доктор исторических наук, доцент
_____ С.А. Пивоварчик

(подпись)

« ____ » _____ 2017 г.

Гродно, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ	9
ГЛАВА 2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	16
ГЛАВА 3 БИОГРАФИЯ АЛОИЗЫ ПАШКЕВИЧ В ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ..	28
ГЛАВА 4 ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛОИЗЫ ПАШКЕВИЧ ИЗ ЭМИГРАЦИИ.....	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	60

РЕФЕРАТ

Настусевич Станислав Валерьевич

Использование исторической хронологии в изучении биографии Алоизы Пашкевич

Дипломная работа 63 с., 53 источника

**БИОГРАФИЯ, МЕТОДИКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ, АЛОИЗА ПАШКЕВИЧ, ТЁТКА**

Цель дипломной работы – определение отличительных особенностей биографии А. Пашкевич посредством уточнения датировок событий с помощью исторической хронологии.

При написании работы были использованы диалектический и микроисторический подходы, принципы историзма и нерешительности, применены общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абдукция) и специально-исторические методы (историко-биографический, идиографический, описательно-повествовательный, проблемно-хронологический, историко-генетический).

По теме исследования имеется одна публикация.

Результаты дипломной работы могут быть использованы в разработке методик биографических исследований, изучении биографии А. Пашкевич, формировании музейных экспозиций, посвященных поэтессе, а также при написании текстов экскурсий, касающихся ее жизни.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении долгого времени история формировалась как социальная наука, занимающаяся изучением общественных отношений, существовавших в прошлом. Значительную часть усилий историки уделяли выявлению фундаментальных законов, лежащих в основе исторического процесса. С одной стороны, это требовало накопления фактологического материала, а с другой, – разработки специальных теорий, объясняющих исторических процесс; самыми известными из них стали формационный и цивилизационный подходы. Такая ситуация породила схему, в которой было принято говорить об исторической личности лишь в контексте ее «роли в истории». Это не уменьшало популярности биографического жанра, и даже в некоторых ситуациях делало его значительнее в глазах общественности, поскольку он предоставлял необходимые образцы для подражания¹. Таким образом, биографический жанр занял свою нишу в совокупности сочинений о прошлом. Однако сложность данного положения заключалась в том, что стандартные исследовательские подходы, применяемые при изучении биографий, на фоне развития исторической науки утратили во многом свое научное значение. Так, французский историк Жак Ле Гофф (Jacques Le Goff), являющийся автором высоко оцененной биографической работы, опубликованной в российском издании под названием «Людовик IX Святой», во введении указывает, что: «<...> в середине XX века историческая биография перестала существовать <...> за несколькими блестящими исключениями» [17, с. 16]. Категоричность его утверждения связана не с отсутствием работ биографического жанра, а с низким качеством их исполнения. Перманентный эпистемологический кризис жанра требовал его теоретического совершенствования, что стало возможным лишь ближе к концу XX в., когда начался пересмотр основания самой исторической науки.

Первое изменение было связано с «**антропологическим поворотом**», произошедшим в 70-х гг. XX в. в западной историографии. Л.П. Репина справедливо указывает на то, что представители нового антропологического подхода стали рассматривать историю как науку «<...> о человеке, изменяющемся в социально-темпоральном пространстве прошлого и своими действиями непрерывно изменяющем это пространство» [39, с. 44]. В связи с «**лингвистическим поворотом**» в 90-е гг. произошел новый вызов, сторонники которого поставили под сомнение саму возможность познания прошлого. Ими был поднят вопрос о степени обусловленности поведения человека языковой

¹ Имеются в виду как позитивные образцы, формально отвечающие на вопрос «как надо делать?», так и негативные, подготавливающие ответ на вопрос «как делать не надо?». В первом случае субъект биографии становится положительным персонажем и прославляется, а во втором – отрицательным и подвергается критике.

практикой, так как предполагалось, что она детерминирует мышление, а, следовательно, и действия. Произошли изменения и в социальной истории, впитавшей в себя разработки критической и прагматической школ социологии, которые делали акцент на взаимоотношениях индивида с социальной средой. Это позволило расценивать его как «агента» или «актера» (одновременно зависимого и самостоятельного), вступающего в диалогические отношения с обществом. В итоге антропологизация исторической науки и смещение ее гуманитарных начал способствовали рождению в конце XX в. «*персональной истории*» (personal history) – на Западе и «*новой биографической истории*» – на постсоветском пространстве. Главной ценностью в рамках данных направлений объявляется непосредственно исторический субъект и его индивидуальный опыт, а биография рассматривается в качестве «зеркала», посредством которого исследователь отражает историческую реальность. Вместе с этим биографический жанр используется как экспериментальная площадка, призванная способствовать преодолению современных эпистемологических вызовов. Таким образом, изменения, происходящие в последние десятилетия в исторической науке, актуализируют разработку новых алгоритмов биографических исследований и их практическую реализацию.

Однако эмпирический уровень исследования продолжает играть ведущую роль для биографического жанра, который, помимо получения фактического материала, должен обеспечить отражение динамики становления личности. Традиционно главную роль в этом процессе играет датировка и установление последовательности событий, чему содействует *историческая хронология*. В нашем исследовании обращение к данной дисциплине связано с рядом проблем, возникающих при изучении биографии Алоизы Пашкевич (Тётки), жившей в 1876–1916 гг. Обозначим основные из них:

1) вследствие ограничений источниковой базы, в биографической литературе до конца не установлена хронология многих событий жизни поэтессы, что ведет к субъективной, «свободной» трактовке источников;

2) малоисследованность отдельных периодов жизни поэтессы на фоне «дефицита» источников побуждает биографов к использованию гипотетических умозаключений о хронологии событий ее биографии;

3) особенности употребления календарных систем в Европе и Российской империи в XIX–начале XX вв. обуславливали одновременное использование поэтессой как Юлианского, так и Григорианского календарей, что ведет к сложностям при датировании событий. Наиболее явно это прослеживается при изучении периода эмиграции (1906–1913 гг.), когда А. Пашкевич основную часть времени жила в Австро-Венгрии, где использовался Григорианский календарь, не теряя при этом связей с родиной, жившей по Юлианскому летосчислению. По своей продолжительности семилетняя эмиграция

охватывала более половины того времени, когда А. Пашкевич занималась публичной деятельностью (начиная с публикации первого произведения (1903 г.) и до смерти (1916 г.)). Однако современный образ поэтессы в большей степени построен на изучении событий 1903–1906 гг. и частично – 1913–1915 гг. Таким образом, эмиграция является одним из самых малоизученных периодов биографии А. Пашкевич, что и определяет хронологические рамки нашего исследования – 1906–1913 гг.

Целью исследования является определение отличительных особенностей биографии А. Пашкевич посредством уточнения датировок событий с помощью исторической хронологии.

Для достижения данной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

1. Установить степень изученности биографии А. Пашкевич.
2. Определить теоретические основы исследования.
3. Выявить отличительные особенности биографии А. Пашкевич в период эмиграции.
4. Установить причины возвращения А. Пашкевич из эмиграции.

Объектом исследования является биография А. Пашкевич, **предметом** – хронология событий периода эмиграции в биографии А. Пашкевич.

В основе исследования лежит *диалектический подход*, предполагающий изучение личности поэтессы в перспективе ее развития на протяжении всей жизни. Использование *микроисторического подхода* предусматривает детализированное изучение ее биографии с целью понимания сопряжения индивидуальных стремлений и действий с социально заданным макроисторическим контекстом. Данные подходы обуславливают применение *принципа историзма*, подразумевающего сохранение высокого значения использования динамически изменяющегося исторического контекста для выявления отличительных особенностей биографии поэтессы. В то же время пробелы в ее биографии требуют разработки гипотез относительно происходивших событий. По этой причине, вслед за профессором истории Вирджинского университета Алланом Мегиллом (Allan Megill), мы используем *принцип нерешительности*, описанный им в работе «Историческая эпистемология» (2007 г.) [19]. Этот принцип подразумевает необходимость «<...> представить свидетельство не только в пользу данного каузального утверждения, но также и свидетельство против него» [19, с. 72], т. е. «<...> осуществить контрфактическое рассуждение» [19, с. 79], предполагает разработку и оценку разных исторических гипотез и выявление наиболее достоверной из них.

В качестве общенаучных методов исследования используются *анализ*, применяемый при оценке историографии, в работе с источниками, и *синтез*, лежащий в основе сведения полученных данных в единое целое. Выявление

влияния общеисторического контекста на конкретные события происходит посредством *дедукции*, а для обобщения полученного материала применяется *индукция*. С целью выдвижения гипотез используется *абдукция*, в современное время впервые рассмотренная американским философом Чарльзом Пирсом (Charles Sanders Peirce)².

Также в исследовании применяются следующие специально-исторические методы: историко-биографический, идиографический, описательно-повествовательный, проблемно-хронологический и историко-генетический. *Историко-биографический метод* является центральным в работе, так как он направлен на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни и результатов деятельности исторической личности. В то же время биографическое исследование нацелено на изучение индивидуальных и неповторимых событий и явлений, что подразумевается *идиографическим методом*. *Описательно-повествовательный метод* используется нами при систематизации и презентации полученного материала в текстовой форме. Вместе с тем данный материал структурируется посредством *проблемно-хронологического метода*, предполагающего рассмотрение отдельных исторических событий и явлений в их хронологической последовательности. Объяснение и оценка этих событий в дипломной работе производится с помощью установления их происхождения и выявления причинно-следственных связей между ними, что возможно при применении *историко-генетического метода*.

Дипломная работа «*Использование исторической хронологии в изучении биографии Алоизы Пашкевич*» выполнена по Заявке Государственного учреждения «Лидский историко-художественный музей» от 16 сентября 2016 г.

Апробация некоторых промежуточных результатов исследования была осуществлена на XVI Международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (19–21 сентября 2016, Гродно, ГрГУ им. Янки Купалы). По итогам конференции опубликована статья «*О возможностях применения исторической хронологии в биографике (на примере биографии Тётки)*», выполненная без соавторов [20].

Дипломная работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Во введении характеризуется место биографического жанра в современной историографии, обосновываются актуальность темы и хронологические рамки исследования, формулируется цель и задачи, определяются методы изучения, указывается структура и пути практического применения полученных результатов. В первой

² Обоснование использования абдукции в нашем исследовании производится во второй главе «Теоретические основы исследования».

главе анализируются использованные источники, производится оценка работ, посвященных биографии А. Пашкевич, устанавливается степень ее изученности. Во второй главе определяются теоретические основы исследования. В третьей главе выявляются отличительные особенности биографии А. Пашкевич в период эмиграции. В четвертой главе разрабатываются и оцениваются гипотезы, объясняющие причины возвращения А. Пашкевич из эмиграции.

Работа содержит 63 страницы и 53 позиции в списке использованных источников и литературы.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке методик биографических исследований, изучении биографии А. Пашкевич, формировании музейных экспозиций, посвященных поэте, а также при написании текстов экскурсий, касающихся ее жизни.

ГЛАВА 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Наиболее значительный вклад в изучение биографии А. Пашкевич внесла кандидат филологических наук Л. Арабей, которая занималась поиском документов, связанных с жизнью и творчеством поэтессы, встречалась с ее современниками и систематизировала их воспоминания. Результатом многолетних трудов ученого стала документальная повесть «*Стану песняй*» [1]. Книга охватывает не только биографию Тётки, но и тот путь, который проделала сама исследовательница, пытаясь найти сведения о ее жизни. Л. Арабей связала биографию поэтессы со своей жизнью, посещала те места, где бывала А. Пашкевич, читала те же книги, разговаривала с теми же людьми. Возможно поэтому, при обилии новой информации, которую обнаружила исследовательница, ей не удалось избежать излишней субъективности. Повесть «*Стану песняй*» отличают художественные зарисовки, хронологические неточности, отсутствие ссылок на использованные источники. Впрочем, жанр, который выбрала Л. Арабей, не требует обязательного соблюдения канонов научного исследования.

В нашей работе используется целый ряд материалов, проанализированных и систематизированных Л. Арабей. Их можно разделить на три группы: документальные источники, эпистолярные источники и воспоминания современников.

Среди документов, описанных исследовательницей, необходимо выделить «Обвинительный акт по делу И. Уместовского» [1, с. 315–317], в котором содержится информация о политических листовках со стихотворениями Тётки. Другим материалом, заслуживающим внимания, являются выдержки из судебного дела по персоналу Виленской окружной психиатрической лечебницы, где работала поэтесса [1, с. 322–328]. Многие сотрудники данного учреждения пропагандировали антимонархические идеи и участвовали в забастовках; в их число входила А. Пашкевич. Важное для нас значение имеют анкеты заполненные поэтессой при поступлении в Ягеллонской университет, которые обнаружены Л. Арабей в архиве этого учебного заведения [1, с. 394–395]. Они содержат некоторые биографические данные, а также информацию о курсах, прослушанных А. Пашкевич. Кроме того, Л. Арабей приводит информацию из анкет Львовского университета, где А. Пашкевич также училась [1, с. 415–416].

Помимо документов, Л. Арабей включила в свою повесть ряд писем. Среди них выделяется полный вариант письма поэтессы к профессору Б. Эпимах-Шипиле, датированный 28 июня 1906 г. [1, с. 357]. В других работах обычно используется сокращенный вариант. Определяющее значение

для нашего исследования играет официальная переписка А. Пашкевич с австрийским Министерством образования и религии по вопросу ее перевода в ординарные студентки [1, с. 412–414].

В третью группу материалов, введенных в научный оборот Л. Арабей, входят воспоминания современников. Для нашей работы наиболее ценными являются воспоминания Ю. Билюнас, подруги поэтессы, познакомившейся с ней в 1907 г. [1, с. 388–392]. Они были записаны исследовательницей в 1966 г. в ходе личной беседы. Эти воспоминания, несмотря на то, что со времени последней встречи Ю. Билюнас с А. Пашкевич прошло более полувека, отличаются поразительной точностью и вниманием к деталям. Также для нашей работы имеют ценность воспоминания этнографа В. Чижа, который общался с поэтессой в 1907–1908 гг. [1, с. 384]. Таким образом, документальные материалы, которые приводит Л. Арабей в своей книге, играют важнейшую роль в изучении биографии А. Пашкевич.

Помимо документальной повести Л. Арабей, ключевое значение для нашего исследования имеет собрание сочинений Тётки, изданное в 2001 г. [47]. Оно включает все художественные произведения и публицистические статьи, написанные поэтессой. Кроме того, в него входят личные письма А. Пашкевич, некоторые документы, воспоминания современников и ряд работ исследователей ее биографии. Предисловием к сборнику является статья В. Ковтун [47, с. 7–44], в которой приводятся метрические данные о семье А. Пашкевич и делается общий обзор биографии поэтессы, посредством введения новых трактовок. Определенную ценность для нас несет включенная в сборник статья С. Панизника «*З бунтарної душой*» [47, с. 301–302], написанная в 1969 г. Автор вводит в сферу научного осмысления воспоминания М. Бордун, с которой поэтесса общалась с 1908 г. Также большое значение имеет статья «*Цётка і Свянцицькі*», написанная Т. Кабржицкой и В. Рагойшей в 1970 г. [47, с. 302–308]. Исследователи не только проанализировали отношения поэтессы с украинским филологом И. Свенцицким, но и включили в статью его воспоминания о А. Пашкевич. Ученые опубликовали последнее письмо поэтессы в австрийское Министерство образования и религии по вопросу ее перевода в ординарные студентки, проследили процесс ее имматрикуляции. Для понимания особенностей творческой деятельности Тётки нами использовался комментарий к сборнику доктора филологических наук С.Х. Александровича [47, с. 309–328]. Исследователь описывает специфику прижизненных публикаций поэтессы, приводит различные версии о времени их написания.

Кроме статей, посвященных биографии А. Пашкевич, сборник включает документальные материалы. Среди них следует отметить публикацию «Обвинительного акта» [47, с. 221–225] по делу персонала Виленской

окружной психиатрической лечебницы, который предлагается в сокращенном варианте. С некоторыми сокращениями в сборник внесена немногочисленная личная переписка поэтессы [47, с. 215–218]. Для нашей работы значимыми оказались письма к Б. Эпимах-Шипиле, профессору Львовского университета К. Студзинскому, и Б. Тарашкевичу. Из опубликованных в сборнике воспоминаний современников наибольший интерес для нас представляют мемуары мужа А. Пашкевич С. Кайриса, [47, с. 235–243]. Впервые они были опубликованы в 1954 г. в США и содержат сведения о семье поэтессы, ее политической и общественной деятельности, оценку некоторых сторон ее личности. Тем не менее в них присутствует ряд хронологических неточностей. Определенный интерес представляют воспоминания Ф. Уместовского, в которых отражено участие А. Пашкевич в открытии газеты «Наша доля» [47, с. 243–244]. О сущности политической деятельности поэтессы в рядах Белорусской социалистической громады повествуют мемуары Е. Хлебцевича [47, с. 249–257], отличающиеся его явной социалистической ориентацией. Среди других важных мемуарных текстов, включенных в сборник, необходимо отметить воспоминания Ю. Витан-Дубейковской и В. Луцевич [47, с. 245–248, 258–261]. Ю. Витан-Дубейковская была сокурсницей Тётки в училище В.М. Прозоровой. В своих воспоминаниях она рассказала о раннем периоде биографии поэтессы. В. Луцевич совместно с А. Пашкевич занималась просветительской деятельностью в 1913–1915 гг., и потому ее свидетельства оказались полезны при изучении этого периода жизни поэтессы.

Помимо данного сборника существует ряд других исследований, посвященных биографии Тётки. Актуальна для нас работа В. Рагойши «*Кантакты: літаратурна-крытычныя артыкулы, эсэ*» [38], написанная в 1982 г. В частности, в одной из глав исследователь приводит новые документальные источники, способствующие осмыслению биографии поэтессы, пишет об учебе Тётки на Курсах Лесгафта, приводит сведения об истории курсов и о самом П.Ф. Лесгафте. К сожалению, та информация, которую сообщает В. Рагойша, многими современными авторами оказалась незамеченной. Так, часто в современных энциклопедиях, содержащих статьи о А. Пашкевич, допускаются ошибки, выявленные и исправленные этим ученым более 30 лет назад. Интересна, с нашей точки зрения, совместная работа В. Рагойши и Т. Кабржицкой «*Карані дружбы. Беларуска-українскія літаратурныя ўзаемасувязі пачатку ХХ ст.*» [12]. Она представляет собой расширенную версию их совместной статьи, опубликованной в сборнике 2001 г. В ней исследователи анализируют отношения поэтессы и И. Свенцицкого, включая информацию о его роли в публикации сборников Тётки. Ю. Туронак в работе «*Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі*» [44] приводит ряд сведений об отношениях А. Пашкевич с В. Ивановским. Кроме

того, мы опирались на статью М.Б. Ефимовой «*Аўтарства бяспрэчнае*» [51], опубликованную в 1997 г. в журнале «Полымя». В ней исследовательница доказывает, что автором первого белорусского букваря для детей «*Беларускі лемантар, або першая навука чытання*» является Тётка, а не К. Костровицкий (Карусь Каганец), как считалось ранее. Актуальна для нашего исследования работа доктора филологических наук М.А. Лазарука «*Асвета і педагогічная думка ў Беларусі са старажытных часоў да 1917 г.*» [2]. Она включает общую характеристику журнала для белорусской молодежи «*Лучынка*», издаваемого А. Пашкевич в 1914 г.

Кроме научных работ, затрагивающих биографию Тётки, мы использовали фонды Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства. Огромную роль для нашего исследования сыграло дело «*Дакументы Цёткі...*» (Ф. 3. Оп. 2. Д. 4) [4], которое включает свидетельства об окончании учебных заведений и сдаче некоторых экзаменов, зачетную книжку Львовского университета, метрические выписки, письма, медицинские справки и их нотариально заверенные переводы на польский и немецкий языки. Также в нашем исследовании были использованы фонды редакций газеты «*Літаратура і мастацтва*» и журнала «*Полымя*», содержащие сведения о деятельности Тётки (Ф. 12. Оп. 1. Д. 291; Ф. 42. Оп. 1. Д. 496) [5, 7]. Воспоминания подруги А. Пашкевич П. Мядзёлки взяты из дела «*Мядзёлка П. В. «Сцежкамі жыцця». Успаміны...*» (Ф. 403. Оп. 1. Д. 10) [6]. В них П. Мядзёлка характеризует отношения между А. Пашкевич и С. Кайрисом, выдвигая версию о фиктивности их брака. Оказались полезными для нас мемуары А. Луцкевича, опубликованные отдельным изданием в 2010 г. [18]. В них описывается история политического движения в Беларуси (в дореволюционный период), содержится информация об участии в нем поэтессы. Важным источником для нашего исследования стали газеты «*Наша доля*» и «*Наша нива*» [21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34]. На их страницах поэтесса публиковала свои произведения периода 1906–1910 гг. Обращаясь к ним, мы получили возможность узнать точные даты ее публикаций в период эмиграции, их оригинальное содержание и оформление, приблизительное время написания. Также в газете «*Наша нива*» можно найти ответы редакции на письма, присылаемые поэтессой, которые не сохранились до нашего времени. По ним можно судить о приблизительном содержании этих писем. Поскольку данные газеты создавали информационное поле, в котором жила белорусская интеллигенция, они дают представление о проблемах и вопросах, обсуждавшихся в этой среде. А. Пашкевич тесно сотрудничала с «*Нашей долей*» и «*Нашей нивой*», принимала непосредственное участие в обсуждении некоторых вопросов. С помощью данных газет мы получили возможность проанализировать взгляды и общественную позицию, которой она

придерживалась. Источниками, позволившими судить о правовом аспекте биографии поэтессы и ее отношениях с законом, стали «Устав о паспортах» [46] с комментариями Л.М. Роговина и «Уголовное уложение» [36], изданное в 1903 г. Сведения о листовках БСГ со стихотворениями Тётки содержит статья А. Сидоревича «*Да гісторыі Беларускай Сацыялістычнай Грамады: агляд крыніцаў*» [41].

Также нами использовались источники, позволившие изучить историческую среду, в которой жила А. Пашкевич. Сведения об условиях обучения во Львовском университете в начале XX в. были взяты из статьи польского ученого А. Кавалеца «*Seminaria historyczne na Uniwersytecie Lwowskim: podstawy prawne i organizacja (1852–1918)*» [53], а также в энциклопедиях – «*Encyclopedia. Львівський національний університет імені Івана Франка*» [52] и «*Енциклопедія історії України*» [10]. Для описания белорусского национального движения использованы книги Р.М. Семашкевича «*Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Петербурзе (канец XIX – пачатак XX ст.)*» [40], Н.В. Николаева «*Беларускі Пецяярбург*» [35], А.У. Унучка «*Наша ніва*» і *беларускі нацыянальны рух (1906-1915 гг.)*» [45]. Сведения о женском движении в Российской империи, в котором принимала участие А. Пашкевич, взяты из книги Р. Стайса «*Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930*» [42]. Для получения справочных материалов мы также использовали следующие источники: «*Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*» [50] в шести томах, «*Гісторыя Беларусі*» [9] в шести томах, академическое издание «*Беларусы*» [3] в тринадцати томах, «*Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*» [49].

Подводя промежуточный итог, укажем, что жизненный путь А. Пашкевич недостаточно изучен современной наукой, многие его стороны остаются нераскрытыми. Не написана научная биография поэтессы, а единственная работа, в которой собрано большинство фактов о личности А. Пашкевич, написана Л. Арабей в жанре документальной повести. Работы, посвященные событиям отдельных периодов биографии Тётки, немногочисленны, при этом некоторые из них не носят научно-исследовательского характера. Среди авторов, предлагающих в своих трудах самостоятельные трактовки событий биографии Тётки, необходимо выделить Л. Арабей, В. Рагойшу, Т. Кабржицкую, В. Ковтун, М. Ефимову; большинство их исследований приходится на XX в. В то же время значительная часть усилий современных ученых направлена на изучение литературного наследия А. Пашкевич, а биографический аспект анализа личности поэтессы остается второстепенным. Причина этому, на наш взгляд, заключается в отсутствии достаточного количества документальных источников, что значительно усложняет задачу биографов, поскольку подробное исследование отдельных периодов ее

биографии не представляется возможным. Существующая мемуарная литература лишь частично восполняет этот пробел. Во-первых, она также немногочисленна, а во-вторых, содержит минимальное количество фактических данных.

Для определения теоретических основ дипломной работы мы использовали учебные пособия по исторической хронологии. Одним из них является учебник доктора исторических наук И.П. Ермолаева «*Историческая хронология*» [11], изданный в 1980 г. В нем последовательно рассмотрена история развития систем летосчисления у различных народов. Также в пособии представлены методы перевода дат в современную систему летосчисления. Для редукции автор предлагает таблицы и формулы, призванные облегчить этот процесс. В другом учебном пособии «*Вспомогательные исторические дисциплины*» [8], изданном в 1984 г. под редакцией доктора исторических наук В.Г. Тюкавкина, кратко излагаются основы вспомогательных исторических дисциплин. В разделе «Хронология» дается информация по истории календарных систем у славянских народов, о единицах счета времени, соотношении Юлианского и Григорианского календарей и основных способах редукции дат [8, с. 80–98]. Ключевой для нас является работа доктора исторических наук С.Е. Куль-Сильверстовой «*Беларускі час. Летазічэнне ў Беларусі са старажытнасці да сучаснасці*» [16], изданная в 2014 г. В ней исследовательница прослеживает историю развития и взаимодействия различных календарных систем и основных единиц счета времени, использовавшихся на белорусских землях. В книге проводится историографический анализ становления исторической хронологии в Беларуси, представлены методические рекомендации и таблицы для редукции дат, учитывающие белорусскую специфику. Применяются в нашей работе научные результаты, полученные кандидатом исторических наук П.В. Кузенковым и изложенные им в книге «*Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции*» [15], опубликованной в 2014 г. Автор подробно рассмотрел историю возникновения и развития систем летосчисления в древней и средневековой христианской традиции, более чем на пятистах страницах представил справочную информацию по данной теме. П.В. Кузенков подробно описал историю возникновения и развития хронологии как научной дисциплины в Европе и России. Для получения дополнительной информации по истории хронологии мы использовали статью Г.И. Кругликовой «*К истории создания исторической хронологии*» [14], которая носит обзорный характер. Полезной для нас оказалась статья Т.В. Кайгородовой «*Первый российский учебник хронологии*» [13]. В ней подробно рассматривается процесс зарождения интереса к

хронологии в Российской империи в начале XIX в. и исследованы попытки написания первых российских учебников по данной дисциплине.

Центральное место в нашем исследовании занимает монография профессора Вирджинского университета А. Мегилла «*Историческая эпистемология*» [19], изданная на русском языке в 2007 г. Англоязычное издание данной работы было осуществлено в том же году под названием «*Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*» («Историческое Знание, Историческая Ошибка: Современное Руководство по Практике»). Монография посвящена анализу теоретических проблем и вызовов, с которыми сталкивается современная историческая наука. Автор анализирует ее состояние, требования, которые предъявляет к ней общество, последовательно раскрывает большинство сторон деятельности историка, предлагает собственное видение истории в контексте работ крупнейших теоретиков исторической науки XIX и XX вв. Ученый считает, что основной частью деятельности историков является написание нарративов, и потому ими должны быть выработаны регулирующие концепты. Итогом трудов историка стала собственная концепция нарративного историописания. Во второй главе нашего дипломного исследования произведен анализ концепции А. Мегилла и предпринята попытка ее адаптации к биографическому исследованию с применением возможностей исторической хронологии.

ГЛАВА 2 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Датировка является важнейшим элементом исторического изучения прошлого, функцией которого выступает фиксация произошедших событий путем привязки их к определенной хронологической шкале, представленной в виде какой-либо календарной системы. Совокупность зафиксированных посредством датировки событий составляет их хронологию, где они представлены в установленной последовательности. Эта последовательность обретает смысловую нагрузку, которую в нее вкладывает субъект познания путем соотнесения событий между собой и выявления причинно-следственных связей, позволяющих объяснить происхождение того или иного события и их общую хронологию.

Человек прошлого иначе воспринимал современные ему события, чем историк, впоследствии их изучающий. Это связано как с социокультурными различиями, так и с осведомленностью историка о результатах, к которым они привели. Эти факторы позволяют ему не только выявить каузальные связи, но и совершить оценку роли этих событий в историческом процессе и жизни отдельных людей. Однако источники, которыми оперирует историк, могут быть «привязаны» к иным календарным системам, отличающимся от той, которую он использует. И если разница между календарными системами значительна, то необходимость перевода дат в одну систему летосчисления очевидна. Однако когда разница исчисляется в днях (как между Юлианским и Григорианским календарем), то случается, что историки отказываются от редукции дат. В работах, посвященных крупным и длительным периодам, подобные ошибки могут не оказать существенного влияния на общие выводы исследования. Но если изучаются кратковременные периоды или биографий людей, эти ошибки накапливаются и в корне меняют каузальные связи, что приводит к просчетам в объяснении и оценке событий. По этой причине установление максимально точной датировки для историка должно носить приоритетный характер. Облегчить данную работу призвана историческая хронология.

Доктор исторических наук И.П. Ермолаев подчеркивает: *«Историческая хронология занимается определением и уточнением дат конкретных исторических событий и документов. Предметом исторической хронологии как науки является изучение развития систем времясчисления у различных народов и государств»* [11, с. 3]. Профессор В.Б. Кобрин, определяя сущность исторической хронологии, отмечает что она *«<...> является вспомогательной исторической дисциплиной, изучающей системы времясчисления и историю их развития»* [8, с. 80]. Схожее определение предлагает и белорусская исследовательница, доктор исторических наук С.Е. Куль-Сильверстова:

«Гістарычная храналогія <...> – спецыяльная гістарычная дысцыпліна, якая вывучае сістэмы летазлічэння і гісторыю іх развіцця. Задачамі храналогіі з'яўляюцца акрэсленне часу гістарычных падзей, а таксама вывучэнне сістэм летазлічэння ў іх развіцці і ўзаемадзеянні» [16, с. 3]. Таким образом, историческая хронология является специальной исторической дисциплиной, занимающейся изучением истории систем времясчисления в их развитии, а также редукцией дат и их уточнением по косвенным данным. Для редукции используются математические расчеты, формулы, методические пособия, специально разработанные схемы и таблицы. Косвенные данные, с которыми работает историческая хронология, представлены астрономическими явлениями, датами и последовательностью праздничных дней в различных религиозных системах, известными датированными событиями.

Как указывает кандидат исторических наук П.В. Кузенков, основоположником исторической хронологии является французский гуманист, живший во второй половине XVI в., Жозеф Жюст Скалигер (Joseph Juste Scaliger), а его труд «Об исправлении времен» («De emendatione temporum», 1583 г.) считается первым научным сочинением в данной области. Систему летосчисления, основанную на счете «до» и «после» Рождества Христова предложил французский кардинал, монах-иезуит Дионисий Петавий (Denis Petau)³, живший в первой половине XVII в. [15, с. 19]. После трудов данных авторов основное внимание исследователей стало уделяться уточнению и синхронизации хронологии всемирной истории. Как отмечает П.В. Кузенков, *«В дальнейшем труды ученых были направлены скорее на накопление дат, чем на постижение тех принципов, по которым источники датировали те или иные события»* [15, с. 20]. В XIX в. были сформулированы теоретические основы исторической хронологии, обобщены хронологические сведения. Одновременно в начале этого столетия интерес к предмету возник в Российской империи. По сообщению кандидата исторических наук Т.В. Кайгородовой, преподавание исторической хронологии в Российской империи началось в 1815 г., когда в Московском университете был открыт курс доктора словесных наук и философии, профессора Н.А. Бекетова. Предполагалось издание перевода учебного пособия немецкого профессора Д.-Х. Хегевиса (Dietrich Hermann Hegewisch) «Введение в историческую хронологию» («Einleitung in die historische Chronologie», 1811 г.), которую перевел на русский язык Н.А. Бекетов. Однако в связи с его смертью в 1829 г. издание уже переведенной книги было остановлено. Первым российским учебником по исторической

³ Необходимо отметить, что счет времени от Рождества Христова использовался и до Дионисия Петавия. Согласно указанию Г.И. Кругликовой, данный счет предложил в 525 г. н. э. римский монах Дионисий Малый (Dionysius Exiguus). Началом своей системы летосчисления он обозначил 25 марта 1 года – дату, когда, по его мнению, произошло «Воплощение Христа». Рождество Христа Дионисий Малый отнес к 25 декабря 1 года [14, с. 96]. Таким образом, Дионисий Петавий предложил только обратный счет «до» Рождества Христова.

хронологии, который вышел из издательства в 1840 г., стало пособие М.С. Гастева «Хронология» [13, с. 68–69]. Во второй половине XIX в. российские исследования в этой области достигли общеевропейского уровня. По словам П.В. Кузенкова, среди российских ученых, занимавшихся исторической хронологией, выделяются имена русского историка М.П. Погодина (1800–1875), историка немецкого происхождения А.А. Куника (1814–1899), церковного историка В.В. Болотова (1854–1900) и священномученика Д.А. Лебедева (1871–1937) [15, с. 21, 25]. С.Е. Куль-Сильверстова утверждает, что первая работа, учитывающая исторические особенности систем летосчисления, существовавших на территории Беларуси, была написана и издана Н.И. Горбачевским в 1867 г. Она называлась: «Краткие таблицы, необходимые для истории, хронологии, вообще для всякого рода археологических исследований и в частности для разбора древних актов и грамот западного края России и Царства Польского» [16, с. 7]. Вторым белорусским исследователем, затронувшим проблемы исторической хронологии, был Е.Ф. Карский. Как подчеркивает С.Е. Куль-Сильверстова, *«Пасля гэтых дзвюх прац у айчыннай гістарыяграфіі маецца вялізны прагал – фактычна да 2000-х гадоў пытанні храналогіі не знаходзілі адлюстравання ў спецыяльных працах беларускіх навукоўцаў»* [16, с. 10]. По мнению ученого, в отечественной историографии не сложилась собственная научная школа исторической хронологии, которая все еще опирается на достижения советской и российской научных школ [16, с. 7]. Такая ситуация представляется нам достаточно парадоксальной, так как системы летосчисления, существовавшие на территории Беларуси, характеризуются существенными особенностями.

В дохристианский период на землях восточных славян исчисление времени было основано на циклических астрономических явлениях, таких как смена дня и ночи, смена сезонов. Для измерения времени в этот период использовался день, месяц, год; было известно деление суток на 24 часа. Выделение месяцев основывалось на астрономических явлениях и природных изменениях. В этот период применялся месячно-солнечный календарь, а год начинался с марта [16, с. 27–29]. С приходом христианства, а значит, и утверждения Юлианского календаря, для датировки событий стали использовать эру от Сотворения Света в византийском варианте⁴, согласно которому отсчет времени начинался с 5509 г. до н. э. К этому моменту в византийском летосчислении начало года определялось 1 сентября, в связи с чем принято говорить о сентябрьском стиле отсчета года. Однако у восточных славян продолжал сохраняться и мартовский стиль. Переход к использованию

⁴ Согласно указанию Г.И. Кругликовой, *«Было создано около 200 эр от “сотворения мира”, а отрезок времени от “сотворения мира” до “рождества Христова” в разных вариантах насчитывал от 3483 до 6984 года, и составлял в среднем около 5500 лет»* [14, с. 95].

лишь сентябрьского стиля на белорусских землях произошел ближе к XIV в. В то же время на русских землях систематическое применение сентябрьского стиля началось только с 1492 г., когда церковь признала его в качестве единственно возможного [16, с. 35–37]. По мере геополитического сближения ВКЛ с Польшей в конце XIV в. и приходом латинского языка в делопроизводство, в официальных латиноязычных документах стала использоваться эра от Рождества Христова, а в качестве начала года выбирался день 25 декабря (Рождество Христова) или 1 января. Эра от Сотворения Света продолжала употребляться только в кириллических документах, что зачастую происходило вплоть до XVII в., а в Российском государстве данная эра просуществовала до 1700 г. [16, с. 43, 45, 51].

21 февраля 1582 г. вышла булла Римского папы Григория XIII «*Inter gravissimas*», которая провозглашала принятие нового календаря, названного позже Григорианским. Для исправления астрономических неточностей Юлианского календаря датировка перемещалась на 10 дней вперед – таким образом, в Ватикане после 4 октября 1582 г. сразу наступило 15 октября 1582 г. [16, с. 128]. В Испании Григорианский календарь был принят 5 октября 1582 г., во Франции и Лотарингии – 9 декабря 1582 г., в Священной Римской империи (в зависимости от земель) календарь принимался с 1583 по 1610 гг., в Австрийской империи – в период 1583–1584 гг. [16, с. 129–130]. В Речи Посполитой реформа проводилась в 1582–1583 гг., и вызвала недовольства православной части населения, в связи с чем король Стефан Баторий вынужден был издать один за другим три «привилея» (1584, 1585 и 1586 гг.). Согласно этим документам, православные сохраняли право использования Юлианского календаря в качестве литургического, а особые праздничные дни (Пасха, Рождество, Сретение и т. п.) продолжали считаться нерабочими [16, с. 134]. Если в XVI и XVII вв. разница между Юлианским и Григорианским календарями составляла 10 дней, то в XVIII в. – 11 дней, в XIX в. – 12 дней, в XX и XXI вв. – 13 дней. После разделов Речи Посполитой на территорию Беларуси был возвращен Юлианский календарь, который был государственным в Российской империи. Григорианский календарь, несмотря на утрату государственного статуса, продолжил использоваться католиками в качестве литургического. В той части Речи Посполитой, которая отошла к Пруссии и Австрии, Григорианский календарь сохранял свои права. Тот же статус остался за ним в созданном в 1807 г. Герцогстве Варшавском, а после и в существовавшем с 1815 г. Царстве Польском [16, с. 138–139]. Во время Первой Мировой войны, когда с февраля 1915 г. немецкие войска вступили на территорию Беларуси, на оккупированных землях был введен Григорианский календарь. В 1918 г., 24 января (6 февраля) Совнарком принял декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Согласно

данному декрету дата переносилась на 13 дней вперед – таким образом, после 1 февраля 1918 г. в РСФСР наступило 14 февраля 1918 г. [16, с. 144–145]. Юлианский календарь сохранился до нашего времени в качестве литургического в Русской Православной церкви.

Таким образом, история календарных систем на территории Беларуси носит уникальный характер и требует систематического изучения. Для нашего исследования представляет интерес специфика сосуществования Юлианского и Григорианского календарей на одной территории в период жизни А. Пашкевич (1876–1916 гг.). Данное явление приводило к особой социально-культурной ситуации, когда жители православного вероисповедания пользовались одним лишь Юлианским календарем, а представители католицизма вынуждены были свою светскую жизнь согласовывать с Юлианским календарем, а религиозную практику – с Григорианским. Более того, оппозиционно настроенные личности могли сознательно пользоваться Григорианским календарем, что особенно проявилось, по наблюдениям С.Е. Куль-Сильверстовой, во время восстаний 1830–1831 гг. и 1863 г. [16, с. 140]. Достаточно часто в регионе использовалась практика двойной записи дат, когда события датировались одновременно двумя календарными системами. Двойную запись дат использовали некоторые периодические издания, например, белорусская газета «Наша нива». Сложным процессом представляется датировка документов личного происхождения, так как это зависит от очень многих факторов: религиозная принадлежность автора, его политические взгляды, привычки, цели написания документа. Если речь идет об эпистолярных источниках, подписанных одним способом датировки, то необходимо учитывать взгляды адресата, которому написано письмо, ведь обычно предполагалось, что он знает, какой календарь используется. Однако если речь идет о публичных событиях, то они чаще всего датировались Юлианским календарем, так как требовалась их синхронизация с широкой общественной жизнью (за исключением польских губерний и Финляндии, где официально употреблялся Григорианский календарь).

Вместе с тем датировка событий и их систематизация в хронологической последовательности сами по себе для историка не являются конечной целью. Тем не менее, это определяет описательно-повествовательный характер изложения, свойственный нарративному историописанию. Классическое определение, со слов А. Мегилла, подразумевает под нарративом «<...> сообщение, которое организовано хронологически и имеет распознаваемые начало, середину и конец» [19, с. 175]. Мы же используем **концепцию четырехчленной матрицы нарративного историописания**, предложенную этим же автором, в которую входят: дескрипция (описание), объяснение, обоснование (аргументация) и интерпретация прошлого из перспективы настоящего [19, с. 241–242]. При этом данная концепция не отрицает

классическое понимание нарратива, а лишь дополняет его. А. Мегилл подчеркивает условность традиционного определения. Во-первых, это происходит потому, что на уровне изложения («уровень дискурса») рассказа повествование не ведется в строгой хронологической последовательности – в данном случае «<...> разрешены всякие виды возвращений назад и забеганий вперед», но «<...> за уровнем “дискурса” читатель может различить хронологически организованный “рассказ”» [19, с. 176]. Во-вторых, в структуре нарратива не обязаны присутствовать во всей полноте начало, середина и конец, однако при этом может сохраняться хронологическая организация повествования, что позволяет данное изложение расценивать как нарратив [19, с. 176]. Помимо того, классическое определение не характеризует особенности нарратива как исторического изложения. По этой причине А. Мегилл выработал критерии, которым, по его мнению, должна соответствовать каждая работа, выполненная в форме исторического нарратива. Данные критерии представлены в виде «**четырёх задач историописания**» [19, с. 199]:

1. Дескрипция, или описание.

Дескрипция, предполагающая ответ на вопрос «Что произошло?», лежит в основе исторической науки. Возможные ответы на этот вопрос определяются в связи с обозначенными перспективами исследования. А. Мегилл выбирает подход, который он называет термином «*recounting*» («**подробный пересказ**»). Ответ с помощью данного подхода предстает в повествовательной форме рассказа, «<...> для доказательства истинности которого приводятся различные аргументы, документальные материалы и пр.» [19, с. 222]. А. Мегилл уточняет, что «Термин *подробный пересказ* помогает нам понять, что “дескрипция” – это не нейтральная операция, предваряющая реальную работу объяснения, не простое собрание данных. Он дает нам возможность лучше увидеть, что описанию и объяснению нельзя придавать различное значение, абстрагируясь от целей и от читателей конкретных исторических работ» [19, с. 222]. В таком виде дескрипция одновременно отвечает на вопрос «Что произошло?» и конструирует ту дискурсивную реальность, в которой разворачивается ответ на вопрос «Почему это произошло?»

2. Объяснение.

Вторая задача, которой историки уделяют большое внимание, не мыслима без первой, ведь объяснение требует наличия объясняемого. В исторической науке процесс истолкования чаще всего сводится к поиску причин произошедшего события или существовавшего/существующего явления. Таким образом, поиску причин предшествует определение следствия. В своей работе А. Мегилл убедительно показывает, что какие бы объяснения историки не приводили, те, так или иначе, «<...> сами по себе будут *подробным пересказом того, что произошло*» [19, с. 244]. Поэтому описание и объяснение

не только взаимосвязаны, но и в зависимости от перспективы могут менять свои позиции. Из этого следует, что они являются конструирующими составными частями нарратива. Что касается историографии, то, по утверждению А. Мегилла, «<...> каузально-темпоральная путаница возникает не из самого акта повествования, а из лакун в аргументации или доказательстве, – третьем, кроме подробного пересказа и объяснения, аспекте исторического исследования» [19, с. 228].

3. Обоснование, или аргументация.

Аргументации А. Мегилл уделяет значительное внимание, подчеркивая, что выработка некоторых идей производилась при участии Стивена Шепарада (Steven Shepard) и Филиппа Хоненбергера (Phillip Honenberger) [19, с. 392]. Прежде всего, А. Мегилл отвергает идею о возможности существования абсолютно достоверного исторического знания. Вместо этого он говорит о **степени достоверности** такого знания, которое в идеале должно объяснять существование всех известных исторических источников, относящихся к данной теме и соответствовать совокупности («тотальности») всех установленных исторических фактов. Высокая степень достоверности дает право историку утверждать, что событие имело место быть. Однако там, где возможны два или более объяснений, историк обязан четко показать, что вопрос является спорным и предложить иные версии объяснения. Для обоснования исторических фактов профессор предлагает использовать «**абдукцию**», «**предположение для лучшего объяснения**». Абдукция широко применяется в естественных науках для выдвижения гипотез. А. Мегилл подчеркивает: «*В соответствии с такой формой умозаключения, на основе того, что данная гипотеза лучше других соотносится с источниками, можно заключить, что эта гипотеза верна*» [19, с. 400]. В историографии абдукция не только способствует выдвижению гипотез, но и играет роль установления исторических фактов. Сущность данной проблемы профессор демонстрирует в следующем рассуждении: «*Мы не можем дедуктивно заключить, что Наполеон существовал (или, например, что Первая мировая война началась в 1914 году). Не можем мы установить этот факт и индуктивно, поскольку он не наблюдается эмпирически. Его можно установить лишь абдуктивно, наблюдая факты современного нам мира (например, многочисленные исторические документы о Наполеоне) и затем размышляя о причинах (в данном случае, о существовании Наполеона), которые могли бы объяснить данные факты. Другими словами, “наилучшим объяснением” наличия многочисленных источников о Наполеоне и его деятельности является то, что он действительно существовал и действовал*» [19, с. 402]. В данном виде абдукция представляется как форма обоснования исторического знания.

Для обоснования объяснений А. Мегилл предлагает использовать **три критерия для определения наилучшего объяснения** каждого конкретного случая, предложенные Полом Таггардом (Paul Taggart):

1) **совпадение** (чем больше фактов представлено в объяснении, тем лучше);

2) **простота** (чем меньше «вспомогательных» гипотез требует то или иное объяснение, тем лучше);

3) **аналогичность** (чем больше данное объяснение схоже с другими объяснениями, истинность которых установлена, тем лучше). При этом А. Мегилл указывает на необходимость с большой осторожностью использовать аналогии в качестве аргументации в исторических исследованиях, подчеркивая, что любое свидетельство против гипотезы, основанной на одной лишь аналогии, может ее перечеркнуть [19, с. 406].

4) к критериям П. Таггарда А. Мегилл добавляет **четвертый критерий**, который определяет так: «<...> при оценке исторических построений мы должны помнить, что те объяснения, в которых аргументация идет от следствия к причине, предпочтительнее тех объяснений, в которых аргументация идет от причины к следствию» [19, с. 412]. Поэтому историку следует более «абдуцировать» (утверждать о причинах на основе следствий), нежели «дедучировать» (утверждать о следствиях на основе причин), так как в этом виде дедукция по своей логике больше «<...> напоминает предсказания будущего» [19, с. 411]. Таким образом, отличие абдукции от индукции заключаются в том, что мысль исследователя движется не от наблюдаемых частных фактов к общему выводу, а от частных фактов (событий) к их частным причинам, т. е. в противоположном направлении. Историк должен четко зафиксировать объект посредством дескрипции, а затем перейти к выявлению гипотез, которые будут способствовать лучшему его объяснению.

Кроме критериев обоснования, внимание А. Мегилл обращено на **три типа исторических реальностей, которые могут использоваться в объясняющих конструкциях**: действия исторических персонажей, мысли исторических персонажей и исторические обстоятельства. Взаимодействие этих реальностей профессор видит в следующем: «<...> действия объясняют, что произошло; мысли объясняют, почему это произошло (в данном случае “почему” берется как вопрос в отношении целей и намерений); обращение к историческим обстоятельствам помогает объяснить, почему мы полагаем истинными те или иные объяснения действий или мыслей» [19, с. 413]. Следовательно, мысли и намерения (мотивы поступков) становятся предполагаемыми причинами действий (событий и явлений), и при дедучировании на их основании будут выводиться утверждения о действиях как следствиях причин. Это придаст действиям неопределенный характер из-за

различных интерпретаций историком мыслительных установок исторических субъектов. При абдуцировании историк фиксирует действие и строит гипотезу вокруг него, а не вокруг его причин, что позволяет избегать неопределенности и осуществлять допущения относительно различных причин. Это повышает роль дескрипции, так как абдуктивное обоснование начинается с той информации, которая достоверно известна о предмете.

4. Интерпретация.

Относительно четвертой задачи историописания А. Мегилл высказывается достаточно категорично: *«Поскольку историческое исследование с необходимостью написано из перспективы настоящего, оно всегда касается значения исторической реальности для людей, живущих сейчас и для людей в будущем, даже если оно явным образом отрицает, что имеет какой-либо подобный интерес»* [19, с. 242]. Следовательно, любое историческое исследование является, прежде всего, интерпретацией с позиции настоящего. Это не значит, что историк не должен стремиться к объективности, но само утверждение о полной объективности какой-либо позиции является неправомерным для исторической науки и более свойственно идеологическим и религиозным системам. Такая абсолютная объективность, по словам А. Мегилла, стремится увидеть объект «таким, каков он есть», что допускает возможность претензии исследователя на «Божественный нейтралитет» [19, с. 371–377].

Таким образом, А. Мегилл предлагает достаточно выверенную концепцию нарративного историописания, в которой значительная роль отводится дескрипции в виде «подробного пересказа» всех известных событий прошлого, касающихся объекта изучения. Это конструирует дискурсивную реальность, в поле обзора которой оказываются каузальные объяснения, осуществляемые с помощью аргументации. Анализируя позицию А. Мегилла, доктор исторических наук А.В. Лубский определяет ее в рамки нарративного реализма, противостоящего нарративному идеализму⁵, и выводит следующее определение исторического нарратива: *«<...> это хронологически организованное сообщение, имеющее начало, середину и конец, соединяющее время истории и время историков, включающее дескриптивные, объясняющие и аргументационные утверждения о прошлом, расположенные в интерпретирующей структуре, связанной с настоящим»* [43, с. 317].

Адаптируя концепцию четырехчленной матрицы нарративного историописания А. Мегилла к биографическому исследованию, мы вновь

⁵ Согласно определению А.В. Лубского, в рамках нарративного идеализма под историческим нарративом понимается *«<...> с одной стороны, <...> его интерпретация, т. е. нахождение единства в разнообразии, с другой – <...> презентация в виде гештальта, автономного по отношению к исторической действительности»* [43, с. 316].

должны подчеркнуть значение датировки. В этом контексте она становится элементом, структурирующим описание, выполненное в форме «подробного пересказа». Дескрипция обретает определенную организацию посредством фиксации событий на хронологической шкале и определения их последовательности. Правомерным также будет напоминание о том, что историческая хронология играет первостепенную роль, так как призвана обеспечить точность датировок. Для нас это актуально, поскольку А. Пашкевич, проживая в Российской империи, происходила из семьи католического вероисповедания. Следовательно, небезосновательно предположение о весомом значении Григорианского календаря в ее жизни. Однако, в период ее учебы в училище В.М. Прозоровой в Вильно и обучения в 1903/1904 учебном году на «Курсах воспитательниц и руководительниц физического образования» профессора П.Ф. Лесгафта в Санкт-Петербурге данный календарь должен был временно утратить свою актуальность в ее жизни. В «революционный» 1905 г. использование поэтессой Григорианского календаря могло усилиться и, несомненно, он преобладал в ее жизни в период эмиграции (1906–1913 гг.). В 1914 г., когда Тётка занялась организацией издания молодежного журнала «Лучынка» в Минске, Юлианский календарь, видимо, опять должен был стать для нее ведущим. А с сентября 1915 г., когда Вильно был занят немецкими войсками (поэтесса осталась в городе), и до ее смерти в феврале 1916 г. Григорианский календарь, скорее всего, полностью заменил Юлианский. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии множества возможных датировок событий ее биографии. Для приведения последовательности событий в порядок нами используется способ двойной записи дат, который выглядит следующим образом: *дата Юлианского календаря (дата Григорианского календаря)*.

Дескрипция в форме «подробного пересказа» вписывает каждое отдельное событие биографии в контекст точно таких же событий. Следовательно, все, произошедшее в биографии до определенного отрезка времени, необходимо рассматривать как контекст происходящего после. Акцент при этом следует делать на выявлении возможных каузальных связей между ними, что может привести к объяснению конкретного случая. Несмотря на то, что субъект биографии является итогом воздействия прошлой для него культурной и социальной реальности, он продолжает находиться в диалогических отношениях с настоящей ему социальной средой. На него также влияли и влияют в конкретный момент времени биологические факторы: климат, болезни, какие-либо стихийные происшествия и т.п. Поэтому появляется необходимость историческую среду (прошлую и настоящую по отношению к субъекту биографии) поставить в позицию контекста. Таким образом, возникают два уровня контекстуальных отношений: между

«событиями до» (внутренним контекстом) и «событием после»; между «внешней исторической средой» (внешним контекстом) и «событием биографии». При этом между «событием после» и «событием биографии» можно поставить знак равенства, так как каждое событие в жизни человека обусловлено его собственным прошлым и исторической средой, в которой он живет. Любое событие прошлого оставляет свой след, который не обязательно может и должен быть прочитан как самим субъектом биографии, так и историком. Однако целью историка является определение того, какие именно события из прошлого и внешней исторической среды способствовали возникновению конкретного случая.

Для того чтобы приблизить реализацию данной цели необходимо обратить внимание на источники, содержащие информацию о реакции или о гипотетически возможной реакции субъекта биографии на какие-либо внутренние или внешние факторы, что позволило бы провести абдуктивное рассуждение. Для аргументации возможных гипотез, объясняющих конкретное событие или случай биографии, наиболее очевидным является использование источников личного происхождения, которые могут дать исследователю представление о мотивах поступков. Вместе с тем, при абдуктивном рассуждении необходимо опираться на достоверные сведения о самом событии, а не на его интерпретации субъектом биографии или другими историческими субъектами, и в случае каких-либо несоответствий отдавать приоритет «действиям», а не «мыслям». Например, рассуждая о причинах эмиграции А. Пашкевич, гипотезы следует строить исходя из самого факта эмиграции и событий ей предшествующих, а не мнений, высказанных историческими субъектами по этому поводу. В этом смысле «мысли» лишь придают форму гипотезе, а вектор ее развития основан на «действиях». Поэтому более важными источниками являются те, которые созданы без намерения объяснить события (при условии их наличия): археологические источники, личные вещи, документы. Последние, безусловно, могут быть подделаны субъектом биографии для обеспечения более выгодных позиций в окружающей социальной среде, однако сам факт подделки говорит о многом. Конечно, прежде чем рассуждать о подделке документов, историк вначале должен доказать факт подделки.

В стремлении обосновать гипотезу историк также не должен исключать свободу воли субъекта биографии и возможность того, что многие его поступки могли быть совершены без какого-либо логического расчета. Кроме того, необходимо помнить о разнице восприятия исторических событий: то, что субъекту биографии могло казаться судьбоносным, для историка, возможно, выглядит незначительным и наоборот. В связи с этим необходимо подчеркнуть относительность исторического познания и объяснения событий жизни какого-

либо человека. И поэтому приоритетным для историка является четкое разграничение в биографии событий, как исторических фактов, и событий гипотетических.

Таким образом, в основе нашего исследования лежит концепция четырехчленной матрицы нарративного историописания, предложенная профессором истории Вирджинского университета А. Мегиллом. В качестве составных частей нарратива представлены описание и объяснение, структурирование которых происходит посредством датировки событий и установления их последовательности. Датировка корректируется с помощью исторической хронологии и с учетом специфики сосуществования Юлианского и Григорианского календарей в жизни Тётки. Аргументация представлена в форме абдуктивных предположений, рассматривающих события в контексте прошлого субъекта биографии и существовавшей в его время исторической среды. Целью построения абдуктивных предположений является выявление причинно-следственных связей между событиями биографии, мотивами поступков и событиями исторического контекста. При выявлении причинно-следственных связей учитывается свободная воля субъекта биографии, различия между его восприятием событий и восприятием познающего субъекта, подчеркивается относительный характер полученного знания. Вместе с тем определяющей для исследования является установка на получение знания, соответствующего наивысшей степени достоверности.

ГЛАВА 3

БИОГРАФИЯ АЛОИЗЫ ПАШКЕВИЧ В ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ

Относительно причин эмиграции А. Пашкевич в белорусской науке выдвигаются различные гипотезы. Объяснения многочисленны и, как правило, связаны с тремя группами предпосылок: 1) политическими; 2) образовательными; 3) медицинскими. Рассмотрим их аналитически.

Политические предпосылки.

Начало политической деятельности А. Пашкевич связано со вступлением, в партию социал-демократического толка – Белорусскую революционную громаду (БРГ). Согласно воспоминаниям А. Луцкевича, БРГ была создана в 1903 г. в Петербурге. Партийное ядро составили три человека: Антон Луцкевич, Иван Луцкевич и Вацлав Ивановский [18, с. 172]. Примерно в это же время в столице находилась и Тётка, которая незадолго до создания БРГ (5 (18) июня 1901 г.) окончила в Вильно семиклассное училище В.М. Прозоровой [4, л. 5]. Долгое время в науке существовало предположение о том, что она переехала в Петербург летом 1902 г. и поступила на «Курсы воспитательниц и руководительниц физического образования» П.Ф. Лесгафта, так как именно этот год указал в своих воспоминаниях С. Кайрис [47, с. 235]. Однако уже в 1982 г. В.П. Рагойша, основываясь на архивных материалах, доказал, что А. Пашкевич поступила на курсы лишь осенью 1903 г. и по итогам сессии (период с 19 апреля (1 мая) по 10 (23) мая 1904 г.), не сумела перейти на второй курс [38, с. 5, 15]. Для того чтобы переехать в Петербург на срок более шести месяцев на законных основаниях, поэтессе требовалось получить «Вид на жительство» в этом городе. Это было возможно либо в случае замужества (наличие приписки к мужу), либо при поступлении в учебное заведение (наличие бесплатного свидетельства, служившего в период обучения видом на жительство) [46, с. 13–14]. Так как до 1903 г. нет сведений о таковой деятельности Тётки в столице, то, на наш взгляд, более обоснованной является версия о переезде не в 1902 г., а в 1903 г. Можно предположить, что важную роль в решении вопроса о переезде поэтессы в Петербург сыграл В. Ивановский – уроженец фольварка Лебёдка Лидского уезда, расположенного в 12 км к югу от фольварка семьи Пашкевичей в Старом Дворе (эту версию выдвигает белорусско-польский исследователь Ю. Туронак). Основанием для такого предположения служит факт совместного проживания Тётки в столице с Сабиней Ячиновской, невестой В. Ивановского [44, с. 40]. Поскольку сведения о знакомстве В. Ивановского и А. Пашкевич до ее переезда в Петербург отсутствуют, то возможно и обратное – С. Ячиновская, с которой Тётка встретилась на Курсах Лесгафта, предложила ей совместное квартирование, после чего и состоялось знакомство с В. Ивановским. В любом случае, согласно

утверждению А. Луцкевича, именно В. Ивановский привел А. Пашкевич в БРГ [18, с. 172].

Прервав обучение на Курсах Лесгафта, поэтесса в мае 1904 г. экстерном сдала выпускные экзамены в Александровской женской гимназии и экзамен по латинскому языку при Санкт-Петербургской первой мужской гимназии, что подтверждают полученные Тёткой 15 (28) мая и 3 (16) июня 1904 г. соответствующие свидетельства [4, л. 8, 9]. После выдачи аттестатов она вернулась в Вильно и приступила к работе фельдшером в Виленской окружной психиатрической лечебнице, расположенной в окрестностях Ново-Вилейска. Именно в этот период А. Пашкевич становится одним из координаторов партии БРГ, которая к тому времени, вероятнее всего, уже именовалась Белорусской социалистической громадой (БСГ), на что указывают подписи на их листовках [50, с. 410]. А. Луцкевич отмечает, что в 1905 г. партия имела три центра работы: Петербург – среди студентов и рабочих, с лидером В. Ивановским; Вильно, где находились А. Пашкевич и Алесь Бурбис; Минск – главный центр, где работали братья Луцкевичи, Карусь Каганец, Александр Власов и другие [18, с. 178]. Вместе с ростом политической напряженности в государстве в 1905 г. активизировались и деятели БСГ. Самый активный период работы партии пришелся на последнюю треть 1905 г. В листовках БСГ были опубликованы три стихотворения Тётки: 1) «*Хрэст на свабоду*» – в октябре 1905 г., напечатано анонимно в типографии Литовской социал-демократической партии латинским и кириллическим алфавитом, в количестве 3000 экземпляров; 2) «*Мора (Рэвалюцыя народная)*» – написано во время Всероссийской октябрьской политической стачки и, согласно Ф. Стацкевичу, напечатано в типографии Польской социалистической партии; 3. «*Пад штандарам*» – согласно утверждению А. Луцкевича, напечатано «Другім краёвым камітэтам БСГ» в Вильно кириллическим алфавитом [41, с. 222]. Как сообщает Л. Арабей, в издательстве БСГ 31 октября (13 ноября) 1905 г. были напечатаны два стихотворения: «*Пад штандартам*» и «*Хрэст на свабоду*» [1, с. 316–317]. Таким образом, стихотворение «*Хрэст на свабоду*» в виде листовок издавалось как минимум дважды. Данные листовки распространялись среди рабочего и крестьянского населения.

Следует отметить, что А. Пашкевич участвовала и в женском движении. В конце февраля 1905 г. в Москве был создан Всероссийский союз равноправия женщин, который быстро набирал силу, его филиалы открывались в других городах страны. 10 (23) апреля 1905 г. Союз организовал первый в российской истории женский митинг, который собрал около 1000 участниц. 7 (20)–10 (23) мая 1905 г. в Москве проходил I Всероссийский съезд союза; 9 (22) мая были приняты его Устав и Платформа. В основе документальной базы этой организации лежали требования немедленного созыва Учредительного

собрания, признания прав народов, входящих в состав Российской империи на автономию и национально-культурное самоопределение, полного уравнивания прав мужчин и женщин всех социальных слоев. Всего в съезде участвовало 300 делегатов, 70 из которых были членами Всероссийского союза, а остальные входили в иные организации или являлись частными лицами [42, с. 278–279]. Одной из делегатов была А. Пашкевич. Трудно сказать – представляла ли она на съезде какую-либо организацию или присутствовала там как частное лицо, однако известно, что ей было дано слово за трибуной [1, с. 295–296]. Вероятно, уже после этой поездки поэтесса организовала в Вильно «Женский кружок». Однако, как подчеркивает А. Луцкевич: «<...> організацыя гэта была дужа нетрывалая і хутка рассыпалася як пачалася палітычная рэакцыя» [18, с. 177]. Можно сделать вывод о том, что «Женский кружок» существовал только благодаря усилиям Тётки и прекратил свою работу после ее отъезда из страны.

Деятельность политического характера осуществлялась и в Виленской окружной психиатрической лечебнице. Во второй половине 1905 г. там было создано сообщество, ставшее местным центром борьбы против самодержавия. А. Пашкевич активно участвовала в его работе: печатала и распространяла листовки, выступала на митингах, посещала окрестные деревни, где призывала крестьян к разрушению существующего в государстве общественного строя [47, с. 225]. Из материалов исследований Л. Арабей известно, что вскоре в стенах лечебницы была организована боевая дружина численностью около 100 человек, которая выступала трижды в декабре 1905 г. 16 (29) декабря данное учреждение здравоохранения было окружено силами полиции. Начались аресты, сопровождавшиеся вооруженным сопротивлением [1, с. 328], однако А. Пашкевич удалось избежать задержания. К сожалению, в списках лиц, подозреваемых в организации преступного сообщества (более двух десятков человек) оказалось и ее имя [47, с. 225]. Тем не менее, в начале января 1906 г., по воспоминаниям Е. Хлебцевича, она участвовала во II съезде БСГ в Минске, после которого вернулась в Вильно [47, с. 253–255]. Л. Арабей сообщает, что 7 (20) февраля 1906 г. членам Ново-Вилейского сообщества было предъявлено обвинение по ст. 126 «Уголовного уложения» [1, с. 328]. Согласно данной статье, обвиняемым грозило наказание в виде каторги сроком до восьми лет [36, с. 53]. Таким образом, в начале 1906 г. политическая деятельность А. Пашкевич была сопряжена с угрозой заключения.

Образовательные предпосылки.

В XIX в. в большинстве европейских стран делались попытки введения отдельных систем мужского и женского образования. При этом необходимость предоставления доступа женщинам в высшую школу стала ощущаться лишь в 60–70-х гг. XIX в. Европа пошла по пути слияния высшей школы для мужчин и женщин на базе уже существовавшей университетской системы. С

утверждением права женщин на получение ученых степеней наравне с мужчинами в 70-х гг. у них появилась возможность обучения в университетах Франции. Те же процессы происходили в Швейцарии (начиная с Цюриха в 1867 г.). С 1870 г. женщин допустили к обучению в университетах Швеции, с 1875 г. – Дании, с 1876 г. – Италии и Англии, с 1884 г. – Норвегии, в 90-х гг. – Германии и Австрии (часто в виде исключения). В Российской империи пошли по иному пути: вместо допуска женщин в университеты наравне с мужчинами, здесь открывались «Высшие женские курсы» (Московские высшие женские курсы, Бестужевские курсы и т.п.). Их система обучения несколько отличалась от университетской, а выпускницы редко могли соперничать с мужчинами в освоенных отраслях знания. Кроме того, эти курсы не всегда обеспечивали получение ученых степеней по их окончании [49, с. 868–873].

О том, что А. Пашкевич предварительно готовилась к получению высшего образования, свидетельствуют многие факторы. Во-первых, окончания училища В.М. Прозоровой было недостаточно для поступления в высшую школу (надо было приобрести гимназический аттестат с пройденными курсами по латинскому и греческому языкам). В этой связи поэтесса сдала экстерном экзамены за курс обучения в Александровской женской гимназии, а по латинскому языку – при Первой мужской гимназии в Санкт-Петербурге в 1904 г. Во-вторых, Курсы Лесгафта не имели для Тётки особого стратегического значения, и поступление на них, вероятно, было продиктовано необходимостью получения вида на жительство в столице. Этот факт подтверждают малоуспешные результаты сдачи Тёткой экзаменов и, как следствие, невозможность продолжить обучение на втором курсе. При этом экзамены в Александровской гимназии (совпавшие по времени с экзаменами на Курсах Лесгафта) она сдала с отличными результатами: по двенадцатибалльной шкале – четыре предмета на 11 баллов, а три – на 10 [4, л. 9]. Из этого можно заключить, что главной целью поэтессы была учеба в университете. Проблемы с полицией, начавшиеся в конце 1905 г., закрыли для нее доступ в высшую школу в пределах страны, поэтому, решившись на эмиграцию, А. Пашкевич взяла с собой все необходимые для поступления документы.

Медицинские предпосылки.

А. Пашкевич имела серьезные проблемы со здоровьем. По словам Ю. Витан-Дубейковской, еще в училище В.М. Прозоровой, у нее происходили потери сознания, случавшиеся из-за недоедания [47, с. 245]. Л. Арабей сообщает, что в этот период у поэтессы наблюдается развитие анемии⁶ [1, с. 264]. Одновременно с названными проблемами, у Тётки стали проявляться симптомы туберкулеза легких; в 1905 г. произошло первое обострение болезни,

⁶ Анемия, или малокровие связана с понижением гемоглобина в крови. Часто сопровождается хронические заболевания.

терзавшей ее до конца жизни. Поэтессе требовалась смена климата, лечение в европейских санаториях, пребывание на курортах, к чему она не раз прибегала в дальнейшем.

Львов, по всей видимости, был выбран Тёткой для переезда в связи с возвращением туда из Вильно известного украинского филолога И. Свенцицкого. Он впоследствии вспоминал: «У Львоу прыехала Цётка ў лютым 1908 года з Вільні, дзе яе перадалі мне пад апеку беларускія грамадзяне перад адыходам цягніка» [47, с. 305]. В этом утверждении, прежде всего наличествует ошибка в датировке. Но если указанный год вызывает сомнения, то обозначенный месяц (февраль) может быть достоверным: И. Свенцицкий мог его запомнить по характеру погоды и событиям совместного путешествия с поэтессой. Его утверждение производит впечатление о спонтанности поездки, однако это маловероятно. Для выезда из страны А. Пашкевич должна была иметь при себе заграничный паспорт, для получения которого необходимо было написать прошение губернатору, подкрепленное свидетельством полиции о том, что для отъезда не имеется препятствий. Выписывались паспорта на специальных бланках, напечатанных Министерством иностранных дел. Списки с номерами всех выданных заграничных паспортов предоставлялись МИДу ежемесячно. Срок действия такого документа составлял три месяца (от даты выдачи до дня отъезда). Если в течение этого периода пересечь границу не удавалось, то необходимо было оформлять новый паспорт. Для получения документа требовалось оплатить сбор, составляющий 15 руб. за полугодие. Максимальный срок действия заграничного паспорта – пять лет со дня отъезда, при этом внутренний вид на жительство оставался в губернской канцелярии. В паспорте указывались следующие данные: имя, фамилия, звание, его номер, кем и когда выдан, подпись получившего лица; фотография отсутствовала. Также в паспорте были два талона: один отрывался на таможне при выезде за границу и отсылался в учреждение, выдавшее паспорт, а второй – по возвращению с последующей его отправкой в Департамент Таможенных сборов. После этих процедур паспорт становился недействительным, и повторно по нему выехать за границу было невозможно. При прохождении таможни в паспорте ставились специальные печати, а сведения о лице фиксировались в предназначенных для этой информации книгах. Если срок пребывания за границей составлял свыше пяти лет и паспорт был просрочен, то по возвращении необходимо было предоставить таможенной службе контроля иные документы, удостоверяющие личность. При их отсутствии личность проверялась Министерством внутренних дел. Те, кто оставлял русское подданство, могли вернуться в Россию в качестве иностранных подданных лишь по истечении пятилетнего срока пребывания за границей. Те, кто проживал за границей более пяти лет без специального разрешения МВД,

причислялся к безвестно отсутствующим, а их имущество бралось государством под опеку. Кроме того, с 21 апреля (4 мая) 1905 г. все русские подданные, проходившие австрийский таможенный контроль, должны были в обязательном порядке заранее визировать паспорта в консульстве этого государства (ст. 164, 165, 172, 176, 194, 196, 197, 200, 207 Устава о паспортах) [46, с. 73–102].

Как видим, процесс получения заграничного паспорта был трудоемким. Приведем два абдуктивных рассуждения для объяснения действий А. Пашкевич в свете возможной угрозы ареста в конце 1905 г. Предположим, что поэтесса официальным путем и на свое имя получила паспорт до ареста сотрудников Виленской лечебницы 16 (29) декабря 1905 г. Однако в январе 1906 г. Тётка все еще находилась в Вильно, поэтому паспорт не мог быть получен ранее ноября. Из данного предположения следует, что решение о выезде за границу не связано с угрозой ареста и было принято досрочно; причина эмиграции неясна. Безусловно, легальный путь получения Тёткой паспорта представляется самым очевидным, однако он противоречит имеющимся документальным свидетельствам об отъезде поэтессы за границу и содержанию ее деятельности в ноябре–декабре 1905 г. – в кульминационный момент Первой русской революции.

Предположим также, что поэтесса пользовалась паспортом, выданным ей на чужое имя после ареста сотрудников Виленской лечебницы и обвинительных процедур, направленных в их адрес. Данная версия, как нам представляется, наиболее правдоподобной и демонстрирует непосредственную причину эмиграции А. Пашкевич, связанную с невозможностью остаться в Вильно при всей важности ее присутствия в городе. Поскольку свидетельства, которые могли бы опровергнуть эту версию, отсутствуют, то следуя логике концепции А. Мегилла, мы можем рассматривать ее как *наилучшее объяснение* действий поэтессы. Таким образом, отъезд А. Пашкевич за границу был осуществлен между 7 (20) февраля 1906 г. (время предъявления обвинения членам Ново-Вилейского сообщества) и 15 (28) апреля 1906 г. (период перевода на польский язык выписки о крещении Тётки и свидетельства об окончании Александровской женской гимназии) [4, л. 10, 11].

Переезд во Львов позволил поэтессе сосредоточиться на творческой деятельности. С помощью И. Свенцицкого она наладила связи с типографией греко-католического монастыря в Жолкве. Там ей удалось издать поэтические сборники «*Хрэст на свабоду*» и «*Скрыпка беларуская*» (во всяком случае, их кириллические варианты). Есть вероятность, что сборники на латинице были изданы в Вильно незадолго до переезда во Львов; аргументы в пользу этой версии приводит доктор филологических наук С.Х. Александрович:

1) издания сборников латиницей являются анонимными, в них отсутствуют указания на время и место публикации. Кириллическое издание сборника «Скрыпка беларуская» сопровождалось псевдонимом «*Гаўрыла з Полацка*» (1906 г.). Один экземпляр книги подписан рукой И. Свенцицкого с пометой «*Жовква*». Кириллическое издание сборника «Хрэст на свабоду» содержало псевдоним «*Гаўрыла*» (1906 г.);

2) издания обоих сборников на латинице хорошо отредактированы. Кириллические издания, напротив, имеют множество типографических ошибок;

3) в кириллическом варианте сборника «Скрыпка беларуская», помимо стихотворений, опубликованных в латинском варианте, присутствуют также «*Прадмова*» и стихотворение «*У дарогу*», из чего исследователь заключает, что кириллический вариант имеет более позднее происхождение [47, с. 309–312].

Мы согласны с аргументами С.Х. Александровича, так как, действительно, не имело смысла допущение таких различий в двух вариантах сборников, если они публиковались в одной типографии в одно и то же время. Кроме того, пребывая в Вильно, А. Пашкевич могла опубликовать сборники в разных типографиях (подтверждением тому служат листовки). Политическая напряженность в стране объясняет анонимность сборников на латинице, и потому более вероятным выглядит факт одновременной публикации латинских вариантов книги и листовок (октябрь–ноябрь 1905 г.). Можно предположить, что подготовка и редактирование сборников осуществлялись поэтессой заранее. После отъезда во Львов Тётка опубликовала кириллические варианты сборников, с указанием на них псевдонимов и года публикации. Кроме того, к сборнику «Скрыпка беларуская» она дописала «*Прадмову*», которая связывала книгу с творчеством Ф. Богушевича, и стихотворение «*У дарогу*», которое содержит эмоциональные «включения», связанные с переездом поэтессы в другое государство. По всей видимости, в типографии монастыря в Жолкве А. Пашкевич находилась недолго, поэтому редакторская правка сборников на кириллице ею не была произведена. Кроме поэтических сборников, Тётка издала в Жолкве брошюру «*Як мужыку палешыць сваё жыццё*» и переведенный с украинского языка сборник «*Гасцінец для малых дзяцей*» [12, с. 94]. Наряду с этим, в Жолковском монастыре сохранился и рукописный вариант белорусского молитвослова для детей, написанный Тёткой, о чем свидетельствует Л. Арабей [1, с. 341].

Кроме поэтического творчества, А. Пашкевич занималась активной педагогической деятельностью. Существует версия, аргументированная М.Б. Ефимовой в статье «*Аўтарства бяспрэчнае*» [51, с. 257–259], о том, что поэтесса является автором «*Беларускага лемантара, або першай навукі чытання*», изданного в 1906 г. в Петербурге сообществом «*Загляне сонца і ў*

наша ваконца». До выдвинутого ученым предположения автором «Лемантара» считался Казимир Костровицкий, известный под псевдонимом «Карусь Каганец». М.Б. Ефимова не отрицает его причастность к работе над этой книгой, что подтверждают и архивные материалы. Но автор статьи указывает также на то, что К. Каганец участвовал в подготовке «Лемантара» как художник-оформитель и проделал огромную работу (девятнадцать рисунков) [51, с. 258]. Мы согласны с мнением М.Б. Ефимовой, ведь данный период в жизни Тётки, по наблюдениям целого ряда исследователей [1, 12, 38, 47], отмечен особым творческим подъемом и наличием должного времени для создания серьезной книги. М.Б. Ефимова также убеждена, что без «Лемантара» Тётка не смогла бы завершить работу над своим вторым учебником для детей «*Першае чытанне для дзетак беларусаў*» [51, с. 259]. В письме к руководителю сообщества «Загляне сонца і ў наша ваконца» профессору Б. Эпимах-Шипиле, датированном 28 июнем 1906 г., поэтесса писала: «*Я хачу даведацца ад Вас, што чутно з букваром, ці ўжо гатоў, ці ў нас будзе фанетыка наша беларуская. Гэта вельмі важна, бо буду цяпер выдаваць папулярныя рэчы для народа, дык не ведаю, як чаго трымацца*» [1, с. 357]. М.Б. Ефимова комментирует это письмо так: «*Для Цёткі было прынцыпова важным даведацца, ці ўхвалены, ці прыняты гэты матэрыял, <...> трэба было трымацца аднаго моўнага рэжыму, што асабліва патрабуецца ад кніг вучэбнага характару*» [51, с. 259]. В конце письма поэтесса указала свой обратный адрес: «*Львоў, Сыкстуцкая, № 39*» [1, с. 357], что говорит об ожидании Тёткой непременно ответа. Несмотря на указанную в письме дату, может оказаться, что она не точная, ведь не известно – согласно какой системе летосчисления произведено датирование. Поэтому актуальны два варианта: если письмо датировалось по Григорианской системе, то оно было написано 15 (28) июня, если же по Юлианской, то 28 июня (11 июля) 1906 г. Поскольку письмо направлялось в Петербург, то второй вариант предпочтительнее. Известно также, что К. Каганец с декабря 1905 г. по май 1906 г. находился в тюремном заключении, поэтому приступить к работе над «Лемантаром» он мог только после освобождения [37, с. 30].

Исходя из результатов нашего исследования, мы можем утверждать, что А. Пашкевич приступила к написанию «Лемантара» в марте 1906 г. (после переезда во Львов), окончила его к маю того же года и отправила его рукописный вариант в Петербург. Далее работа была переправлена для художественного оформления в Минск К. Каганцу. 28 июня (11 июля) 1906 г. поэтесса написала письмо Б. Эпимах-Шипиле, в котором интересовалась о степени готовности «Лемантара». В это же время она написала «Першае чытанне...» и также отправила его в Петербург. Уже к 10 (23) ноября 1906 г. обе книги были изданы сообществом «Загляне сонца і ў наша ваконца», о чем Тётка

сообщала в своей статье «*Як нам учицца*⁷», опубликованной в первом номере «Нашей нивы» [24, с. 5]. Посетив несколько раз Жолкву, А. Пашкевич к концу июля 1906 г. получила свои поэтические сборники, во всяком случае, один из них – «Скрыпку беларускую». Об этом свидетельствует факт провоза Тёткой книги в Вильно и собственноручная передача примерно 100 его экземпляров – в книжный магазин М. Пясецкой,¹⁰ – в магазин В. Маковского [47, с. 304].

Трудноразрешимым остается вопрос о времени приезда А. Пашкевич в Вильно. А. Луцкевич писал, что на квартире Тётки, в которой она проживала с братьями, произошла конференция БСГ, датируемая 3–4 (16–17) июнем 1906 г. Согласно воспоминаниям А. Луцкевича, это место для проведения мероприятия было выбрано потому, что братья Тётки (Войцех и Юзеф) являлись офицерами российской армии, а значит, квартира была благонадежна [18, с. 183]. Конференция стала первым шагом на пути к созданию белорусской газеты «Наша доля» [45, с. 27], однако Тётка на ней присутствовать не могла, так как в это время находилась во Львове. А. Луцкевич о ее присутствии также ничего не упоминает, поэтому приезд А. Пашкевич в Вильно (с учетом даты письма к Б. Эпимах-Шипиле) следует датировать концом июля – началом августа 1906 г. Эта поездка может также быть связана с окончанием срока действия заграничного паспорта. Кроме того, отправление сотен экземпляров сборников в Россию по почте было не возможно. Оказавшись в Вильно, поэтесса включилась в работу по созданию газеты «Наша доля». Первый номер газеты, который вышел 1 (14) сентября 1906 г., открывало ее стихотворение «*Наш палетак*» [21, с. 1]. Также в нем был опубликован рассказ поэтессы «*Прысяга над кривавымі разорами*» [21, с. 3–4]. Во втором и третьем номерах газеты опубликована брошюра Тётки «Як мужыку палепшыць сваё жыццё», которую, видимо, она привезла с собой [22, с. 2–3; 23, с. 3–4]. В четвертом номере опубликован рассказ «*Разумныя, ды не на дурня напалі*» [47, с. 317]. К сожалению, несмотря на активную включенность в работу, оставаться длительное время в Вильно было небезопасно. Л. Арабей пишет о том, что А. Пашкевич вынуждена была скрываться в Старом Дворе, или в лесной землянке [1, с. 361]. Подтвердить или опровергнуть достоверность этой информации на сегодняшний день не представляется возможным.

В науке принято считать, что осенью 1906 г. А. Пашкевич поступила на философский факультет Львовского университета – одного из крупнейших в Австро-Венгрии (в нем обучалось более 2 тыс. студентов) [10, с. 362]. Структура университета включала четыре факультета: юридический, философский, теологический и медицинский [52, с. 47]. Философский факультет объединял кафедры как природоведческого, так и гуманитарного

⁷ Здесь и в дальнейшем сохранена оригинальная орфография, использовавшаяся в газете.

профиля, поэтому образование тут получали физики, математики, химики, географы, биологи, историки, филологи и др. [52, с. 45]. Большинство дисциплин преподавалось на польском языке. В 1897 г. на факультете было разрешено обучаться женщинам наравне с мужчинами [10, с. 361]. Занятия проводились на платной основе: необходимая сумма вносилась перед началом учебного года, который начинался с 18 сентября (1 октября) и продолжался до конца июля; перерыв между семестрами (зимним и летним) длился с конца марта по конец апреля. Студентов принимали на основании свидетельств о среднем образовании (без вступительных испытаний) [52, с. 48]. Учащиеся делились на три группы: ординарные (окончившие классические гимназии), экстраординарные (окончившие реальные гимназии или учительские семинарии) и вольные слушатели (все желающие слушать лекции, получившие согласие руководства университета и преподавателя их читавшего) [52, с. 47]. В марте 1899 г. был принят закон, согласно которому на философском факультете получить докторскую степень могли лишь ординарные студенты, посещавшие занятия в этом качестве не менее четырех лет, защитившие диссертацию и успешно сдавшие докторский экзамен. Если же обучение в качестве ординарного студента составляло меньший срок, то требовалось получить специальное разрешение Министра образования и религии [53, с. 351].

Переводы выписки из метрической книги Василишковского костела о крещении и свидетельства об окончании Александровской женской гимназии на польский язык, выполненные 15 (28) апреля 1906 г., являются основным доказательством поступления Тётки во Львовский университет осенью 1906 г. [4, л. 10–11]. С ними А. Пашкевич не могла быть зачисленной в университет в качестве ординарной студентки ввиду отсутствия в Александровской гимназии курсов латинского и греческого языков. И если латинский язык, как ранее указывалось, она сдала еще 3 (16) июня 1904 г., то греческий язык – только 6 (19) февраля 1910 г. [4, л. 13]. В то же время вольным слушателям не нужно было представлять какие-либо документы и, следовательно, не было необходимости в их переводе. Потому следует считать, что А. Пашкевич поступила во Львовский университет в качестве экстраординарной студентки. Так как занятия начинались с 18 сентября (1 октября) и оплатить учебу необходимо было заранее, вероятнее всего, сразу после выхода первого номера «Нашей доли» (1 (14) сентября) поэтесса вернулась во Львов. Для этого ей требовалось получить новый заграничный паспорт, что невозможно было сделать легальным путем. Кроме того, можно предположить, что летом 1906 г. Тётка не намеревалась надолго возвращаться в Вильно, так как в письме к профессору Б. Эпимах-Шипиле она указывает свой Львовский адрес. Таким образом, сотрудничество поэтессы с редакциями газеты «Наша доля» и позже «Наша нивы» уже с сентября 1906 г. осуществлялось лишь посредством

переписки. Отучившись один семестр во Львове, А. Пашкевич в связи с обострением туберкулеза оставила университет и уехала в польский горный курортный город Закопане, где поселилась в санатории для студентов [1, с. 388].

Помимо вышеуказанных документов, существует еще одно свидетельство, косвенно подтверждающее поступление в университет осенью 1906 г. Им является письмо от 9 (22) декабря 1910 г., написанное поэтессой в Вену с просьбой к Министерству образования и религии о зачислении ее на зимний семестр 1910/1911 учебного года [1, с. 413]. В нем А. Пашкевич подписалась как *студентка IV курса философии*. С учетом пропуска целого года учебы во время проживания в Закопане, такая подпись соответствовала бы действительности лишь при условии того, что первый учебный семестр (конец 1906 г. – начало 1907 г.) был засчитан Министерством образования. Третьим косвенным свидетельством о поступлении во Львовский университет в 1906 г. являются воспоминания В. Чиж, которые приводит Л. Арабей. В них сообщается, что А. Пашкевич в 1907 г. много времени проводила в университетской библиотеке и после обострения болезни выехала в Закопане [1, с. 384]. В. Чиж прямо не указывает – была ли в тот момент поэтесса студенткой или пользовалась библиотекой на иных правах. Однако в это же время он тоже учился во Львовском университете, а значит имел возможность встретить там А. Пашкевич. Следовательно, его воспоминаниям можно доверять.

Являясь одной из основателей газеты «Наша доля», А. Пашкевич не потеряла связей и с редакцией «Нашей нивы». В первом же номере газеты, вышедшем 10 (23) ноября 1906 г., под псевдонимом «*Мацей Крапука*» была опубликована статья «*Як нам учыцца*» [24, с. 4–5], ставшая отправной точкой в многолетнем обсуждении проблем развития белорусской народной школы на страницах официальной белорусской печати. К сожалению, в творческом отношении следующий – 1907 г. – становится для Тётки переломным и непродуктивным. Зимний семестр 1906/1907 учебного года окончился в конце марта 1907 г. Поскольку все указывает на то, что этот семестр был засчитан австрийским Министерством образования, то следует считать, что в Закопане поэтесса отправилась не ранее этой даты. С. Кайрис в своих воспоминаниях уточняет, что встретил ее в этом курортном городе во время своего возвращения с конференции РСДРП, проходившей в Лондоне с 30 апреля (13 мая) по 19 мая (1 июня) 1907 г. [47, с. 239]. Как сообщал В. Чиж, первое время поэтесса жила в санатории для студентов [1, с. 384], однако С. Кайрис застал ее уже проживающей на частной литовской квартире [47, с. 239]. Из материалов Л. Арабей известно, что А. Пашкевич в Закопане поддерживала тесный контакт с литовским поэтом Йонасом Билюнасом и его женой Юлией

Билюнас. Й. Билюнас также был болен туберкулезом и умер в Закопане 25 ноября (8 декабря) 1907 г. Ю. Билюнас в беседе с Л. Арабей сообщила, что Тётка приехала в санаторий в начале 1907 г. [1, с. 387–388], а значит сразу по окончании семестра в апреле 1907 г. Первые два месяца она жила в санатории, а потом перебралась на частную литовскую квартиру, где в июне 1907 г. ее и застал С. Кайрис. В Закопане он навещал А. Пашкевич еще раз осенью того же года [47, с. 239]. По всей видимости, в Краков она переехала после смерти Й. Билюнаса.

В Кракове она продолжила обучение уже в Ягеллонском университете. Л. Арабей обнаружила в его архиве две анкеты, свидетельствующие о поступлении А. Пашкевич на летний семестр 1907/1908 учебного года и на зимний 1908/1909 года. В первой анкете представлены следующие данные: место рождения – *Беларусь*, национальность – *белоруска*, подданство – *российское*, адрес проживания – *Краков, ул. Собеского, дом 19, второй этаж*. За право посещать лекции, необходимо было заплатить, что и сделала А. Пашкевич (26 апреля (9 мая) 1908 г. была получена квитанция № 2337, подтверждающая факт оплаты). За право пользоваться библиотекой университета Тёткой было уплачено две кроны. В анкете также указаны лекции, которые намеревалась прослушать поэтесса: «Эстетика драматургии», «Двадцать пять веков развития европейской философии», «Второе поколение романтиков», «Псевдоклассическая лирика», «История украинской литературы в связях с литературами польской и русской» [1, с. 394]. Вторая анкета была заполнена в связи с поступлением на зимнее полугодие 1908/1909 учебного года. В ней уже указаны другие данные: место рождения – *Литва*, национальность – *белоруска*, место проживания родителей – *Литва*, адрес проживания – *Краков, ул. Любомирских, дом 11*. 13 (26) октября 1908 г. было оплачено обучение в предстоящем полугодии и выплачены две кроны за пользование библиотекой. Перечень лекций предусмотренных Тёткой для прослушивания на этот период, также был определен в анкете: «История современной мысли», «Проблема причинности», «История польской литературы», «Псевдоклассическая лирика», «Молодые романтики (неоромантизм)», «Украинская народная поэзия», «Польская морфология», «История украинской литературы с самых древнейших времен» [1, с. 395]. Летний семестр 1907/1908 учебного года в Ягеллонском университете следует считать прямым продолжением зимнего семестра 1906/1907 года во Львове. Окончив их, А. Пашкевич перешла на второй курс обучения в качестве экстраординарной студентки.

Переехав в Краков, Тётка возобновила свою литературную деятельность, результаты которой публиковались в «Нашей ниве»: 4 (17) января 1908 г. – стихотворение «*Гэй, братко, ты, Новы Годзе...*» под псевдонимом «*Ц-ка*»,

18 (31) января 1908 г. – стихотворение «*Вёсковым кабетам*» и рассказ «*Навагодни лист*» под тем же псевдонимом, 1 (14) февраля 1908 г. – стихотворение «*Тры кветки*», с подписью «*З украинской мовы перэлажыла на беларускую Ц-ка*», 29 февраля (13 марта) 1908 г. – стихотворение «*Скора прыдзе весна*» под псевдонимом «*Мацей Крапива*» [25, с. 1; 26, с. 1, 3–4; 27, с. 1; 28, с. 6]. Пребывание в Кракове отмечено в жизни А. Пашкевич и новым творческим увлечением – театральным искусством. С. Кайрис вспоминает, что поэтессу восхитила и вдохновила игра польской драматической актрисы Ирены Сольской, и она записалась в театральную студию, в которой брала уроки актерской игры [47, с. 238]. Вероятно, данный опыт способствовал смене научных интересов А. Пашкевич: вместо изучения истории царствования в XV в. Великого князя Литовского Свидригайлы Ольгердовича, она выбрала тему «*Шопка⁸ и батлейка на Белой Руси в их связи с польской драматической литературой*» [47, с. 238, 307]. Белорусская батлейка является разновидностью кукольного театра рождественского цикла, появившегося в Беларуси в конце XVI в. и связанного с активизацией деятельности католических орденов после Люблинской унии. Название «батлейка» происходит от слова «Betleem» – польского варианта названия города Вифлеем [3, с. 46]. В начале XX в. развитие батлейки прекратилось, вместе с чем кукольное театральное искусство стало приходить в упадок [3, с. 57]. Исходя из этого, мы предполагаем, что диссертация Тётки создавалась как этнографическая работа. На примере батлейки А. Пашкевич пыталась осмыслить характер и значение фольклора и национальной культуры белорусского народа, его религиозных традиций, а также их связь с польской драматической школой. Кроме того, увлечение сценическим искусством позволило Тётке в некоторой мере обеспечить материальную сторону своей жизни. Известно также, что поэтесса подрабатывала массажисткой и брала оплачиваемые дежурства в больнице, однако в полной мере источники ее доходов установить крайне затруднительно [1, с. 397].

В августе 1908 г. после окончания летнего семестра 1907/1908 учебного года, А. Пашкевич предложила Ю. Билюнас двухнедельную поездку в Италию. Совместно с ними отправился в Рим начинающий художник Станейко, имевший своей целью обучение живописи. Во время поездки они останавливались в Венеции, Флоренции и Риме; посетили собор Св. Петра, Сикстинскую капеллу, церковь Сан-Пьетро-ин-Винколи, были на концерте великого итальянского оперного певца Энрико Карузо. В какой-то момент их путешествия возникла необходимость в денежных средствах, поэтому Ю. Билюнас и А. Пашкевич были вынуждены обратиться за помощью в

⁸ Польский аналог белорусской батлейки.

русское и австрийское консульства. Из воспоминаний Ю. Билюнас известно, что у Тётки в то время был австрийский паспорт, а у нее русский. Так как поэтесса плохо владела немецким языком, то еще в самом начале своей поездки они поменялись паспортами. Соответственно в русское консульство отправилась А. Пашкевич, а в австрийское – Ю. Билюнас, где им помогли решить денежный вопрос. Предпоследний день их пребывания в Риме отмечен воодушевлением от посещения Римской оперы; следующим утром они сели в поезд до Кракова [1, с. 389–391]. Каким образом, А. Пашкевич получила австрийский паспорт сложно определить. Тем не менее, можно заключить, что документ, удостоверяющий личность, не мог быть выдан на ее имя, так как это означало бы смену российского подданства на австрийское. В нашем дипломном исследовании уже уточнялось, что в анкете при поступлении в Ягеллонский университет А. Пашкевич указала свое подданство как российское, и во всех университетских документах – настоящее имя. Из этого следует, что университет не требовал каких-либо документов, удостоверяющих личность, кроме свидетельства о крещении.

По возвращении А. Пашкевич включилась в процесс обучения в Ягеллонском университете (зимний семестр 1908/1909 учебного года). 9 (22) января 1909 г. в «Нашей ниве» опубликовано ее новое стихотворение «3 чужыны» с подписью «Кракау, 1 января 1909г. Ц-тка» [29, с. 18]. Следовательно, это произведение было написано в Кракове 19 декабря 1908 г. по Юлианскому летосчислению (за 21 день до публикации). 29 января (11 февраля) 1909 г. в «Нашей ниве» опубликовано еще одно стихотворение Тётки – «Грайка» с подписью «Кракау. Мацей Крапіва». В том же номере газеты в рубрике «Почтовая скринка», где публиковались ответы на письма в редакцию, была напечатана следующая информация: «Аустрыя. Кракау. Цётцы. Набірайцеся здароуя і сілы, каб хутчэй маглі арганізаваць беларускі тэатр» [30, с. 70, 79]. По-видимому, А. Пашкевич в своем письме к редакции предложила начать работу по созданию профессионального театра в Беларуси. В ответ редакция выразила надежду на то, что поэтесса станет тем самым человеком, который возглавит это движение.

О дальнейших событиях 1909 г., происходивших по окончании зимнего семестра, почти ничего не известно, кроме имеющихся в научной среде воспоминаний о них. Первое принадлежит жившей в то время во Львове Мелании Бордун: «Я пазнаёмілася з Цёткай у 1908 годзе ў Львоўскім універсітэце. <...> У 1909 годзе яна хацела паехаць на бацькаўшчыну і прасіла мяне атрымаць у паліцыі пашпарт для яе, але на маё прозьвішча. Я згадзілася і выканал яе просьбу. Гэта было нецяжка зрабіць. Для пашпарта тады не трэба было фатаздымка. <...> Яна паехала з пашпартам на маё імя, даехала да дому без якіх-небудзь прыгод. <...> Было гэта прыблізна каля 1909 года»

[47, с. 301–302]. Второе воспоминание приводится в более широком контексте и принадлежит С. Кайрису: *«Нашыя дачыненні, што ставілі ўсё больш прыяцельскімі, ад 1906 года былі нагэтулькі блізкія, што ўлетку 1909 года яна гасціла ў мяне ў Мелікесе Самарскай губерніі, дзе я на сканчэнню ў 1908 годзе Інстытута тэхналогіі працаваў ужо інжынерам пры пабудове чыгуначных мастоў. У 1911 годзе Алёйза Пашкевічанка другі раз наведала мяне, ужо ў Куршчыне, на Украіне, дзе мне давялося выконваць <...> пабудову мастоў Пауночна-Данскай чыгункі. У канцы 1911 году я вярнуўся з Украіны і асяліўся ў Вільні. У лютым 1912 года мы набраліся, і ад гэтай пары Цётка-Кайрыс жыла ўвесь час, аж да свае смерці, у Вільні, наведваючы рэдка Менск, сваю бацькавіну, маю бацькавіну і Віленшчыну»* [47, с. 239–240]. Третье воспоминание принадлежит И. Свенцицкому: *«Цётка жыла тады на вул. Ябланоўскіх, д. 46 з нейкаю сяброўкаю-медычкаю, брала ў мяне ўрокі грэчаскай мовы, каб здаць такім чынам свой даўні экзамен на атэстат сталасці і стаць звычайнай студэнткай універсітэта. Экзамен здала яна ў гімназіі св. Кацярыны ў С.-Пецяярбургу ў 1909 г., экзаменаваў вядомы аўтар па класічнай філалогіі, член Беларускай грамады Цымбульскі»* [47, с. 305].

Анализируя эти воспоминания, следует указать, что где бы не училась А. Пашкевич в 1909 г. (в Кракове или Львове) – все пройденные ею семестры были засчитаны. Это следует из вышеупомянутого письма поэтессы к австрийскому Министерству образования и религии от 9 (22) декабря 1910 г. [1, с. 413]. Осенью 1909 г. она перешла на третий курс обучения, а в 1910 г. – на четвертый. Только такое развитие событий, с нашей точки зрения, позволило ей подписаться в письме как *«студентка IV курса философии»*. Если отвергнуть возможность того, что, обучаясь в Кракове, А. Пашкевич ненадолго выезжала во Львовский университет, то М. Бордун могла с ней познакомиться не ранее весны 1909 г. Можно предположить, что именно с этого времени поэтесса вернулась туда для обучения, хотя документально этот факт не подтвержден. Мы считаем, что история с паспортом, которую описывает М. Бордун, заслуживает доверия, так как Тётка и прежде имела опыт использования чужих документов. В свою очередь, свидетельство С. Кайриса о поездке А. Пашкевич в Самарскую губернию подтверждает год, который указала М. Бордун. И тем не менее, к воспоминаниям мужа поэтессы следует отнестись критически. Во-первых, с А. Пашкевич он обвенчался не в феврале 1912 г., а 7 (20) февраля 1911 г в костеле Всех Святых в Вильно [4, л. 30]. Следовательно, из Украины в Вильно он вернулся приблизительно в конце 1910 г., а поездка поэтессы в Курскую губернию могла состояться не позднее этого года. Во-вторых, после венчания Тётка не жила в Вильно постоянно, так как еще два года училась во Львове. Технически сложной выглядит поездка поэтессы в Мелекесс (совр. Димитровград Ульяновской обл. РФ), ведь ей потребовалось бы преодолеть

около 2000 км с подложным паспортом. К сожалению, данные, которые могли бы опровергнуть факт этой поездки, отсутствуют. Есть неточности и в воспоминаниях И. Свенцицкого: например, установлено, что экзамен по греческому языку А. Пашкевич сдала не в 1909 г. в гимназии Св. Екатерины⁹, а 6 (19) февраля 1910 г. в Особом испытательном комитете при Санкт-Петербургском учебном округе [4, л. 13].

Можно предположить, что в конце марта 1909 г. А. Пашкевич окончила зимний семестр в Ягеллонском университете и вернулась во Львов. Там она проживала по адресу ул. Яблановских, д. 46, успешно совмещала обучение в университете и уроки по греческому языку, которые брала у И. Свенцицкого. Из этого следует, что уже в 1909 г. А. Пашкевич стремилась стать ординарной студенткой, намеревалась защитить диссертацию и сдать экзамены на докторскую степень. В конце июля 1909 г. закончился летний семестр, и до середины сентября А. Пашкевич была свободна от процесса учебы. В этот период она и могла совершить поездку в Самарскую губернию под именем Мелания Бордун. Таким образом, это была уже вторая поездка поэтессы за пределы Австро-Венгрии с австрийским паспортом. Для пересечения российской границы иностранный паспорт должен был быть заблаговременно засвидетельствован в Российском консульстве. По такому паспорту в России можно было жить до шести месяцев, после чего требовалось получить Вид на жительство (ст. 217 Устава о паспортах) [46, с. 108]. Однако, как известно из материалов исследований Л. Арабей, в 1909 г. было закрыто дело по Ново-Вилейскому сообществу [1, с. 361]. Следовательно, угрозы быть арестованной в пределах Российской империи для А. Пашкевич уже не было. Но в воспоминаниях Е. Хлебцевича содержится информация о том, что поэтесса не раз приезжала в Петербург с чужими паспортами [47, с. 255]. Например, первая поездка в Петербург после 1904 г., согласно имеющимся источникам, произошла в жизни Тётки не ранее февраля 1910 г. В свете данного факта достаточно сомнительной выглядит возможность ее поездки в Россию – это могло стать поводом для ареста. Мы предполагаем следующее объяснение ее действий: поскольку осенью 1906 г. А. Пашкевич могла выехать из России только с русским паспортом, полученным на чужое имя, то собственного заграничного паспорта у нее не было. С 1908 г. она начала пользоваться австрийскими паспортами, которые также не могли быть выданы на ее имя. Потому въехать на территорию Российской империи с собственным паспортом она не могла ввиду его отсутствия. Если бы поэтесса попыталась это сделать без паспорта (под предлогом его утраты), то ей необходимо было бы удостоверить свою личность иными документами. Подобные вопросы

⁹ Такое учебное заведение действительно существовало под названием «*Частная мужская гимназия с правами для учащихся римско-католической церкви Св. Екатерины*».

решались через Министерство внутренних дел, что было небезопасно. Чтобы не рисковать, Тётка вынуждена была пользоваться чужими австрийскими паспортами. Эта непростая ситуация, как нам представляется, разрешилась после свадьбы со С. Кайрисом. Для венчания достаточно было предоставления выписки из метрической книги о крещении [4, л. 30]; получить такой документ не составляло труда. Обвенчавшись, супруга записывалась в Виде на жительство (во внутреннем паспорте) мужа (ст. 10 Устава о паспортах) [46, с. 6]. С разрешения мужа, она могла получить как внутренний паспорт, так и заграничный. На наш взгляд, таким образом А. Пашкевич смогла легализовать свое пребывание в пределах Российской империи.

После поездки в Мелекесс поэтесса вернулась во Львов и приступила к обучению на пятом семестре в качестве экстраординарной студентки, которое продолжалось с октября 1909 г. по март 1910 г. В феврале 1910 г. она отправилась в Петербург для сдачи экзамена по греческому языку за курс из восьми классов мужской гимназии. Результатом стала отметка *удовлетворительно*, о чем ей 6 (19) февраля 1910 г. было выдано соответствующее свидетельство [4, л. 13]. После этого Тётка отправилась в Вильно, где 12 (25) февраля 1910 г. присутствовала на «Першай Беларускай вечарынке», которая проходила в Клубе Железнодорожников [47, с. 30]. На этом мероприятии А. Пашкевич познакомилась с Игнатием Буйницким, создавшим в то время театральную труппу к которой вскоре присоединилась и она. Почти сразу после «Першай Беларускай вечарынкi» в Вильно, поэтесса вернулась в Петербург в качестве корреспондента «Нашей нивы» на аналогичное мероприятие, которое прошло 19 февраля (4 марта) 1910 г. [47, с. 315]. Там она впервые встретила Я. Купалу, хотя состояла с ним в переписке с 1906 г. [1, с. 406]. По результатам «Вечарынкi» она написала статью в «Нашу ниву», которая была напечатана в 10-м номере газеты, вышедшем 4 (17) марта 1910 г. [31, с. 156]. После этого ей необходимо было вернуться во Львов, чтобы закончить семестр.

В период между зимним и летним семестром (апрель 1910 г.) Тётка не выезжала из Львова, поскольку готовила документы, необходимые для имматрикуляции в качестве ординарной студентки. Среди переведенных 30 марта (12 апреля) 1910 г. и нотариально заверенных документов были: переводы на польский и немецкий языки свидетельств об окончании училища Прозоровой и прохождении испытаний на звание домашней учительницы арифметики, об окончании Александровской женской гимназии, о сдаче экзаменов по латинскому и греческому языкам, а также перевод на немецкий язык выписки о крещении из метрической книги Василишковского костела [4, л. 15–22]. После перевода документов поэтесса написала заявление с просьбой разрешить ей перевестись на стационарное обучение в университете. На основе

этого заявления совет профессоров философского факультета Львовского университета направил в Вену прошение в Министерство образования и религии [1, с. 412].

Следующий семестр А. Пашкевич проживала во Львове по адресу: ул. Врановских, д. №6. В карточках посещения лекций сохранились сведения, которые она предоставила университету: родной язык – *белорусский*; место и время рождения – *Песчина, Беларусь, 1876*; подданство – *русское*; состояние отца – *мещанин*. Она посетила семинары по творчеству Адама Мицкевича, по польской литературе и польскому языку, польской драматургии, украинской и русской филологии, украинской истории и истории украинской литературы XIX в. Известно, что историю Украины преподавал украинский профессор М.С. Грушевский [5, л. 35]. После окончания шестого семестра в августе 1910 г. А. Пашкевич вновь отправилась в Вильно.

В Вильно поэтесса заболела гриппом, который дал осложнение на легкие – у нее развилась пневмония и плеврит. Совокупность таких заболеваний крайне опасна для ослабленного туберкулезом организма, а при уровне развития медицины начала XX в. – практически смертельна. Сентябрь и октябрь А. Пашкевич болела, о чем свидетельствует выданная ей в Вильно 27 октября (9 ноября) 1910 г. медицинская справка, подписанная врачом В.О. Бурбо [4, л. 23]. В то же время 31 июля (13 августа) 1910 г. в Вене в Министерстве образования и религии был издан Рескрипт под №28296, согласно которому ей было разрешено перейти на обучение на философском факультете Львовского университета в качестве ординарной студентки. Для этого поэтессе надо было внести плату за обучение до 12 (25) сентября 1910 г. Письмо с извещением пришло на Львовский адрес [4, л. 24], однако во Львов А. Пашкевич приехала только 3 (16) декабря [1, с. 413]. 9 (22) декабря она получила еще одну справку, подписанную врачом Гиленко, которая подтверждала перенесенные ею заболевания [4, л. 14]. Поскольку внести плату вовремя поэтесса не успела, то, получив вторую справку, она в тот же день написала письмо в Министерство образования и религии. В нем она указала причины, по которым не явилась вовремя в университет, и попросила засчитать ей летний семестр 1909/1910 учебного года. Кроме того, она просила разрешить ей записаться в качестве ординарной студентки на зимний (если это возможно) или на летний семестр 1910/1911 учебного года. В своем ответе Министерство подтверждало, что летний семестр 1909/1910 года будет засчитан при условии, что А. Пашкевич прослушала положенное количество часов. Продолжение учебы ей разрешалось лишь с летнего семестра 1910/1911 года, и в прежнем статусе экстраординарной студентки [1, с. 413]. Таким образом, имматрикуляция не удалась, и поэтесса написала в Министерство новое

прошение о переводе на стационарное обучение, после чего вернулась в Вильно.

Еще 5 (18) ноября 1910 г., Тётка опубликовала в газете «Наша нива» статью «Збірайце матэр'ялы аб батлейцы!», в которой просила присылать в редакцию материалы о белорусской батлейке [32, с. 682–683]. 11 (24) ноября в том же издании было опубликовано ее стихотворение «Гаданьне» под псевдонимом «Мацей Крапіўка» [33, с. 693–694]. Приблизительно через месяц после возвращения в Вильно (7 (20) февраля 1911 г.) поэтесса обвенчалась со С. Кайрисом. Однако, незадолго до венчания – в 1910 г. – она совершила поездку в Курскую губернию. В свете вышеописанных событий выдвинем два предположения о датировке этой поездки.

Согласно первому, она произошла в середине летнего семестра 1910 г. Условием для этого является то, что А. Пашкевич прослушала достаточное количество лекционных часов, и, соответственно, семестр был засчитан. Согласно второму предположению, поездка была совершена в августе-сентябре 1910 г. (перерыв между учебой), когда поэтесса имела свободное время. Тогда в августе Тётка отправилась к С. Кайрису в Курскую губернию на одну-две недели, а затем в Вильно. В другое время эта поездка не могла совершиться. Аргументов в пользу какой-либо одной версии нет, но второе предположение является более простым и, согласно концепции А. Мегилла, наилучшим.

Также в научной среде существует мнение о том, что брак А. Пашкевич и С. Кайриса был фиктивным. Основанием для этого служат воспоминания П. Мядзёлки: *«Бывала я і на кватэры Цёткі, якая жыла ў лясным прадмесці Звярынцы разам са сваім мужам Кейрысам. Не зусім звычайная гэта была пара. Мне казалі, што іх шлюб спачатку быў толькі фіктыўным, на манер Соф'і Кавалеўскай, а праз нейкі час сталі жыць разам, але я не адважылася ў яе самой пра гэта спытаць. У мяне склалася ўражанне, што Цётка з'яўляецца хутчэй кватаранткай, чымся гаспадыняй у сваім доме. Яна займала асобны пакой, вельмі просценька абсталяваны. На стале, на паліцах – поўна кніг. Толькі ў гэтым пакоі яна нас прынімала, сюды прыносіла і пачастунак, ніколі не запрашаючы ў другія пакоі кватэры. (І толькі раз, выпадкова, стыкнуўшыся ў калідоры з Кейрысам, Цётка пазнаёміла мяне са сваім мужам). Здавалася, што Цётка з мужам жылі кожны сваім асобным жыццём, не ўмешваючыся ў справы адзін аднаго»* [6, л. 10]. Действительно, брак позволял А. Пашкевич легализоваться в Российской империи, на что мы указывали ранее. Кроме того, многочисленные ошибки в воспоминаниях С. Кайриса свидетельствуют о том, что он не в полной мере был осведомлен о событиях жизни и деятельности своей супруги. Например, он упоминал, что поэтесса с 1906 г. училась в Кракове, а только затем во Львове, неверно называл факультет, на котором она училась (вместо философского – историко-филологический) [47, с. 239].

Однако этих фактов недостаточно для категорического утверждения о фиктивности их брака. Как указывает А. Мегилл: «<...> хорошее историческое объяснение <...> будет ориентироваться на достоверно известные убеждения и желания исторических личностей как основу для объяснения зафиксированных в источниках действий, а не постулировать незафиксированные действия, которые, как допускается, были вызваны предполагаемыми убеждениями и желаниями исторического актора» [19, с. 416]. Вопрос о фиктивности брака Тётки главным образом связан с предположениями П. Мядзёлки, и других прямых свидетельств не зафиксировано. Рассуждения П. Мядзёлки о причинах холодности между супругами и их отрешенности друг от друга, на наш взгляд, недостаточно для окончательного решения данного вопроса, и он требует дальнейшего изучения.

После свадьбы Тётка вернулась во Львов для продолжения учебы. 27 марта (11 апреля) 1911 г. в Вене было рассмотрено второе прошение А. Пашкевич о ее переводе в разряд ординарной студентки во Львовском университете. Рескриптом №11148 Министерство образования и религии не удовлетворило прошение поэтессы (письмо с уведомлением пришло во Львов 18 апреля (1 мая) 1911 г.) [4, л. 25]. Тогда поэтесса решила обратиться за рекомендательными письмами к профессорам, которые у нее преподавали. Сохранилось одно из них – от профессора Вильгельма Брухнольского, написанное 4 (17) июня 1911 г. В нем указывалось, что А. Пашкевич присутствовала на семинарских занятиях по древней польской литературе (курс В. Брухнольского) и работает над научной темой «*Шопка и батлейка на Белой Руси и их связь с польской драматической литературой*». Профессор просил принять прошение на зачисление ее ординарной студенткой для того, чтобы она в последующем смогла сдать экзамен на доктора философии [47, с. 307]. Летом 1911 г. она совершила поездку в Вену, где в то время находились М. Бордун и А. Свентицкая (супруга И. Свентицкого). Там А. Пашкевич встретила с П. Мазуркевичем, который, по всей видимости, работал в Министерстве образования. П. Мазуркевич согласился помочь Тётке в решении вопроса о зачислении, если за нее будет ходатайствовать профессор Львовского университета К. Студинский [1, с. 420]. После этого на некоторое время поэтесса отложила дело с имматрикуляцией.

По окончании седьмого семестра в августе 1911 г. А. Пашкевич вновь приехала в Вильно и присоединилась к труппе И. Буйницкого. 31 июля (13 августа) 1911 г. в Полоцке она сыграла свою первую актерскую роль (зафиксированную документально) в спектакле по пьесе Э. Ожешки «*У зімовы вечар*». 15 (28) августа эту пьесу ставили в Новой Вилейке, а 21 августа (3 сентября) 1911 г. – в Ошмянах. Спектакли также ставились в Несвиже, Слуцке, Свенчанах (совр. Литва). 18 сентября (1 октября) начинался новый

учебный год, и она вернулась во Львов. В этом семестре Тётка прослушала лекции по истории Польши, польской литературе, сравнительному синтаксису, истории наполеоновского времени, по украинскому, немецкому и чешскому языкам, этнографии, фольклору Польши, Украины и Литвы [1, с. 416]. В середине семестра петербургские студенты пригласили ее сыграть в пьесе «У зiмовы вечар», на что она согласилась [1, с. 410]. Перед проведением спектакля в прессе были опубликованы объявления, по городу расклеены афиши. Пьесу сыграли 19 ноября (2 декабря) 1911 г. [7, л. 47]. В этот же день в Петербурге А. Пашкевич написала письмо К. Студзинскому, в котором просила его ходатайствовать о ней перед П. Мазуркевичем, для того чтобы появилась возможность зачисления в университет на стационар [47, с. 215]. По окончании восьмого семестра, 23 марта (5 апреля) 1912 г., А. Пашкевич написала третье письмо в Министерство образования и религии с просьбой о ее зачислении на стационар. В нем она сообщала, что уже была допущена к имматрикуляции, но из-за болезни не смогла уладить формальности. К письму прилагались медицинские документы и ходатайство профессора В. Брухнольского. Поэтесса указывала, что ее целью является получение докторской степени и ей бы не хотелось терять время учебы в университете [47, с. 308].

О том, выезжала ли А. Пашкевич в период между восьмым и девятым семестром в Вильно, свидетельств нет. Но поскольку письмо в Министерство было написано во Львове 5 апреля по Григорианскому стилю, а следующий семестр начинался приблизительно через две недели, то времени для такой поездки было немного. При этом, не вызывает сомнений тот факт, что она отправилась в Вильно после девятого семестра. В то же время 16 (29) июля 1912 г. в Вене был издан рескрипт №31005, согласно которому А. Пашкевич, по ходатайству профессоров философского факультета, зачислялась в качестве ординарной студентки во Львовский университет с летнего семестра 1911/1912 учебного года (т. е. по прошествии таковой возможности) [4, л. 28]. Данный факт важно подчеркнуть, поскольку по закону от 1899 г. докторскую степень на философском факультете получить могли лишь ординарные студенты, посещавшие занятия в этом качестве не менее четырех лет. Если обучение ординарного студента составляло меньший срок, то сдать докторские экзамены можно было с разрешения Министра образования и религии [53, с. 351]. Ситуация складывалась таким образом, что один семестр обучения Тётки в качестве ординарной студентки уже был засчитан. По окончании еще нескольких семестров, и с учетом того, что годы ее обучения в качестве экстраординарной студентки были засчитаны, А. Пашкевич могла писать прошение министру. Все это значительно увеличивало вероятность получения Тёткой докторской степени раньше положенного срока.

В то время, когда письмо пришло в университет, поэтесса находилась в Вильно. Из университета 20 августа (2 сентября) ей отправили ответ, в котором сообщали о решении Министерства и попросили явиться в деканат не позднее 18 сентября (1 октября) 1912 г. [4, л. 28]. После получения письма из Львова, А. Пашкевич 1 (14) сентября сделала выписку из метрической книги Виленского костела Всех Святых о своем бракосочетании, после чего отправилась во Львов. Там 11 (24) сентября она нотариально заверила перевод выписки на польский язык, после чего явилась в деканат университета [4, л. 29] и 13 (26) сентября 1912 г. получила студенческую книжку [47, с. 308]. Весь зимний семестр 1912/1913 учебного года А. Пашкевич провела во Львове. Всего за семестр она посещала восемнадцать дисциплин, среди которых были «История философии», «История Польши и Восточной Европы», «Теория литературы», «История польской лирики», «Педагогика», «Философия истории» и другие [47, с. 306]. Семестр был успешно окончен 6 (19) марта 1913 г., о чем свидетельствует запись в студенческой книжке [47, с. 308]. Однако после этого А. Пашкевич неожиданно прервала свою учебу во Львовском университете, вернулась в Россию и больше никогда не посещала Австро-Венгрию.

Таким образом, в эмиграции А. Пашкевич находилась с февраля 1906 г. до весны 1913 г. Предпосылками для выезда за границу является целая совокупность политических, образовательных и медицинских факторов. Однако непосредственной причиной для эмиграции стала угроза ареста. Находясь в Австро-Венгрии (Львов, Закопане и Краков), поэтесса совершила как минимум девять поездок за пределы этого государства: одну – в Италию (в августе 1908 г. по Григорианскому календарю) и, по меньшей мере, восемь – в Россию (одна продлилась с августа до середины сентября 1906 г., все остальные были осуществлены в период с августа 1909 г. по август 1912 г. в той же системе летосчисления). Скорее всего, до февраля 1911 г. поездки совершались по подложным документам. Основное количество путешествий было совершено в перерывах между учебой в университете. А. Пашкевич отучилась восемь семестров во Львовском университете и два в Ягеллонском университете. Из этих десяти семестров лишь два последних были засчитаны как пройденные ею в качестве ординарной студентки. Учеба в университетах дважды прерывалась из-за болезни. В творческом отношении в период эмиграции наиболее плодотворным был 1906 г. Поэтесса не теряла связей с белорусской интеллигенцией в Вильно и Петербурге. Наиболее тесно она сотрудничала с редакцией газеты «Наша нива». При этом ее публикации в газете обычно появлялись в конце старого или начале нового года; в середине года она не публиковалась. Находясь в эмиграции, А. Пашкевич сосредоточилась на учебе и культурно-просветительской работе. Все ее

действия в этот период говорят о намерении получить ученую степень. Однако резко умножившееся с 1909 г. количество поездок в Россию не является свидетельством импульсивного стремления Тётки достичь поставленной цели, поскольку основное большинство путешествий совершалось во внеучебное время. Эти поездки связаны с закрытием дела по Ново-Вилейскому сообществу в 1909 г., что создало относительно безопасные условия для поэтессы. Поэтому тот факт, что А. Пашкевич столь неожиданно оставила учебу в университете требует отдельного рассмотрения.

ГЛАВА 4

ВОЗВРАЩЕНИЕ АЛОИЗЫ ПАШКЕВИЧ ИЗ ЭМИГРАЦИИ

В связи с тем, что в последние годы эмиграции А. Пашкевич часто ездила на родину, ее современники в своих воспоминаниях по-разному указывали время ее возвращения из эмиграции. С. Кайрис писал, что в Вильно поэтесса стала постоянно жить после свадьбы, и отмечал, что театральным искусством в Беларуси она занялась с 1913 г., «<...> *калі яна стала жыла ў Вільні*» [47, с. 238]. Супруга Я. Купалы В. Луцевич вспоминала, что в Вильно Тётка вернулась в 1911 г., и приступила к открытию белорусских тайных начальных школ. При этом В. Луцевич указала, что уже в 1912 г. открылись подобные школы в окрестностях Вильно, Ново-Вилейка, возле ж/д станций Яшуны и Беняконе, на Лидчине и возле Васишишек [47, с. 258–259]. Исходя из данных воспоминаний, многие современные исследователи считают, что к открытию этих школ причастна непосредственно А. Пашкевич, хотя В. Луцевич не дает прямых указаний на это. При рассмотрении вопроса о времени возвращении поэтессы из эмиграции все исследователи ее биографии указывают 1913 г.

Белорусскоязычные школы в начале XX в. открывались тайно, ввиду отсутствия законодательного регулирования данного вопроса. В начале 60-х гг. XIX в. в Министерстве народного просвещения велась активная дискуссия о целесообразности открытия подобных школ, однако после восстания 1863–1864 гг. обсуждение этой проблемы было прекращено [48, с. 45–46]. Реакцией на восстание стало требование преподавания в белорусский народных школах на русском языке (за исключением «Закона Божьего» для детей католического вероисповедания) [9, с. 277]. До 1 (14) мая 1905 г., в рамках политики русификации, было запрещено печатать белорусские книги латинским алфавитом [40, с. 90]. Тормозило развитие народного просвещения и то, что в Беларуси до 1911 г. не была проведена Земская реформа¹⁰, в связи с чем, в начале XX в. уровень развития народного образования в Беларуси значительно отставал от уровня развития в других регионах Российской империи [9, с. 410]. При этом потребность в белорусскоязычных школах росла, а с публикацией статьи А. Пашкевич «Як нам учыцца» вопрос был поднят в белорусской печати. Совместно с сообществом «Загляне сонца і ў наша ваконца» поэтесса начала подготовку учебников. Постепенно белорусскоязычные школы стали

¹⁰ Земства – выборные органы местного самоуправления. В Российской империи они были созданы в результате «Земской реформы» 1864 г. Значительная часть их деятельности была направлена на развитие народного образования. При земствах создавались одноклассные народные училища, которые потеснили церковно-приходские школы и с 1870-х гг. стали самым распространенным типом начального учебного заведения в России. Одной из реакций на польское восстание 1863 – 1864 гг. стало блокирование властью земской реформы на Беларуси, ввиду опасений, что расширение местного самоуправления послужит толчком для нового восстания.

открываться усилиями крестьян и народных учителей. После 1905 г. это не было запрещено на законодательном уровне, однако и официальное разрешение отсутствовало. Общественность полагала, что столь важный вопрос будет поднят и разрешен в Государственной думе. 12 (25) ноября 1910 г. был принят закон, который разрешал двенадцати народам преподавать в начальных школах на родном языке. Среди них были поляки, литовцы, евреи, немцы, татары, эстонцы, латыши, армяне, чехи, грузины, буряты и калмыки [34, с. 705–707]. Белорусы и украинцы такого права не получили, что фактически равнялось запрету. Все белорусскоязычные школы, открытые ранее, по сути оказались нелегальными, однако работа по их организации продолжала вестись. К ней и присоединилась А. Пашкевич, вернувшись из эмиграции. На наш взгляд, окончательно утверждать, что поэтесса до 1913 г. непосредственно сама открывала эти школы нельзя, поскольку до этого момента большую часть времени она проводила во Львове.

В творческом плане с 1912 г. поэтесса по большей части занималась написанием рассказов. Три из них были опубликованы в первом белорусском журнале *«Маладая Беларусь»* в Петербурге, в котором использовался как кириллический, так и латинский алфавит [35, с. 241]. Всего вышло три номера журнала: два – в 1912 г. и один в – 1913 г. [35, с. 245]. В первом номере были опубликованы рассказы Тётки *«Асення лісты»* и *«Лішняя»*, а в третьем – рассказ *«Зялёнка»* [47, с. 317]. Кроме того, в 1914 г. поэтесса организовала первый белорусский журнал для молодежи *«Лучынка»* и стала литературным редактором журнала. Редактором-издателем стал А. Власов, который до 22 апреля (5 мая) 1914 г. редактировал *«Нашу ниву»* [45, с. 32]. Знания, которые А. Пашкевич приобрела за долгий период своей учебы, очень пригодились ей в создании журнала. Она публиковала в нем статьи, тематика которых отличается особым разнообразием. Это и статьи-обращения к молодежи, просветительские статьи по этнологии, геологии, орнитологии, которые написаны простым, понятным для народа языком с сильным нравственным посылом. Доктор филологических наук М.А. Лазарук отмечает: *«Для часопіса характэрна педагагічная накіраванасць. Несучы чытачу цікавую, карысную і неабходную інфармацыю, Цётка тым самым рыхтавала яго да ўспрыняцця ў будучым больш складаных і глыбокіх ведаў»* [2, с. 426]. Издание журнала продолжалось до начала Первой мировой войны.

Развернутая с 1913 г. А. Пашкевич деятельность создает впечатление, что она вовсе не собиралась возвращаться в университет. Однако, в своем письме к Б. Тарашкевичу, написанном в 1914 г., поэтесса просила его прислать в Минск ряд газет и журналов о батлейке [47, с. 217]. Следовательно, А. Пашкевич по-прежнему занималась написанием диссертации и намеревалась продолжить свое обучение. Но в научной среде преобладает другое мнение, которое можно

выразить словами Л. Арабей: «Цётка нейкі час разрываецца паміж універсітэтам – так мала засталася, каб атрымаць ступень доктара, і радзімаю, куды вабіць сэрца. А потым пакідае Львоў. Над цявразым розумам узялі перавагу пачуцці. І не першы раз. Некалі, у Пецяярбургу, яна так і не скончыла курсаў Лесгафта – вярнулася на радзіму, каб падчас рэвалюцыі, якая пачыналася ўжо, закінала, быць са сваім народам. Так і цяпер. <...> І Цётка больш не хоча заставацца ў Львове, яна ахвяруе ўніверсітэцкім дыпломам, доктарскай ступенню, каб цалкам аддаць сябе грамадскай і культурнай дзейнасці на радзіме» [1, с. 421]. Л. Арабей комментіруе пісьмо к Б. Тарашкевічу наступным образом: «Значыцца, і пакінуўшы універсітэт, Цётка не спыняе работы над сваім навуковым даследаваннем. Яна ведае, што гэта даследаванне не прынясе ёй цяпер навуковых лаўраў, не паслужыць атрыманню доктарскай ступені, але яна разумее самастойнае значэнне рэферата, яго навуковую важнасць як даследавання гісторыі беларускага мастацтва і не спыня працы над ім» [1, с. 450]. Укажам на слабыя бакі думкі Л. Арабей. Во-первых, разважаючы аб тым, што заканчэнне Курсов Лесгафта паэтэсе помешала чужыя, даследавальніца упускае той факт, што Цётка к гэтаму часу ўжо сдала экзамены ў больш значым для нее ўстанове адукацыі – Александровскай гімназіі. Імя гэты крок дазволіў у далейшым ёй увайсці ў універсітэт. Такім чынам, значэнне Курсов Лесгафта для А. Пашкевіч даследавальніца перацэньвае. Во-вторых, Л. Арабей лічыць, што паэтэса прадчушвала падзеі двух рускіх рэвалюцый і таму ахвяравала адукацыяй для вядзення грамадскай дзейнасці. Сапраўды, 1904 г. быў дастаткова нестабільным у развіцці Расіі і многія прадчушвалі будучыя падзеі. Але ў 1913 г., наадварот, быў пиком развіцця дзяржавы. Історыкі да гэтага часу выкарыстоўваюць яго для правядзення параўнальнага аналізу станаў развіцця дорэвалюцыйнага Расіі і пераважнага СССР. У 1913 г. вядома было прадказаць падзеі Першай сусветнай вайны і крах Расійскай імперыі як іх вынік. К гэтаму ж часу ў канцы эміграцыі ў 1913 г. і да свайго смерці ў 1916 г. паэтэса так і не занялася палітыкай – усе іх дзеянні былі накіраваны на асвету беларускага народа. Таму гаварыць аб якіх-ліб прадчушваннях А. Пашкевіч, адносна будучага не прадстаўляе сабой магчымае. Во-трэціх, можна лічыць, што, працягваючы працу над дысэртацыяй ў 1914 г., паэтэса ведала, што не зможа іх зачыніць? Сапраўды, у гэты момант, да пачатку вайны, ёй нічога не перашкавала працягнуць адукацыю. Сапраўды, трэба шукаць іншае тлумачэнне іх дзеянняў, якое мы прапануем у выглядзе гіпотэзы.

З матэрыялаў Л. Арабей вядома, што ў 1913 г. у А. Пашкевіч абострыўся туберкулез, і яна выязжала ў Еўропу для лячэння. Аб гэтым

исследовательнице в личной беседе рассказала Ю. Билюнас, спутница поэтессы по путешествию в Италию в 1908 г. Кроме того, Ю. Билюнас предоставила Л. Арабей откритку, которую ей прислала из Дрездена в 1913 г. А. Пашкевич [1, с. 391–392]. Для того, чтобы понять, когда произошла поездка Тётки и какие события в это время происходили, обратимся к ее рассказу «*З дарогі*», впервые опубликованному в первом номере «Лучынкi» [47, с. 317]. Повествование в произведении ведется от лица главной героини – Анельки. Композиция рассказа представляет собой серию писем, которые Анелька отправляет матери во время поездки в Италию и Францию, предпринятой с целью лечения от туберкулеза. В связи с этими сведениями рассказ принято считать автобиографическим. Сама Л. Арабей также пишет: «<...> за вобразам Анелькі мы празрыста бачым Цётку, бо ўсё ў гэтым нарысе аўтабіяграфічнае, перажытае, пачынаючы ад маршруту Цёткі, ад яе назіранняў у дарозе да асабістых адчуванняў, настрою» [1, с. 439]. Первое письмо в рассказе называется «*Еду лячыцца*». В нем героиня описывает момент, когда она садится в поезд, а также отношение к ней пассажиров, замечающих ее болезненное состояние. Второе письмо называется «*У вагоне*». Действие, которое описывает героиня, происходит после пересечения поездом российско-германской границы. Акцент в описании делается на пассажирах, на картине, открывающейся в окне поезда, на немецкой аккуратности и чистоте. В третьем письме под названием «*З Нямецчыны*» описывается приезд героини в Дрезден. Происходит это в «*Суботні вечар перад урачыстым святам*» [47, с. 124]. Анелька гуляет по городу и размышляет о смысле жизни, о своей болезни и приближающейся смерти. Действие в четвертом письме, называемом «*Дрэздна*», происходит на следующий день. Героиня пишет о воскресном теплом дне, о своих вчерашних переживаниях, которые на утро ей уже не кажутся такими страшными. Затем она посещает музей для того, чтобы взглянуть на «Сикстинскую мадонну». Свое отношение к картине Анелька передает следующими словами: «*Малюнак – абраз сусветнай славы – для маёй душы не мае чароўнага слова. Яшчэ калісь, як была я ў Рыме, каля твораў Рафаэля прайшла з сэрцам спакойным, затое перад Анджэла Буанароці і Леанарда да Вінчы анямела усімі сваімі чуццямі, думкамі склепілася і стаяла гадзінамі, акамянелая з завіду*» [47, с. 126]. На этот момент надо обратить особое внимание, поскольку Тётка в 1908 г. тоже была в Риме и видела произведения этих авторов. Данные слова являются одним из основных доказательств автобиографичности рассказа. Следующее письмо, как и предыдущее, называется «*Дрэздна*». Однако действие тут происходит не в городе, а в Альпийских горах и в тот момент, когда поезд проезжал самый длинный в мире Сен-Готардский железнодорожный тоннель. Героиня характеризует суровую альпийскую погоду, подчеркивая, что в горах «<...>

ледзь пачынаецца канец зімы» [47, с. 126]. В шестом письме, под названием «У вагоне», действие происходит после переезда через Альпы, в весенней Италии. Анелька, воодушевленная этим фактом, пишет матери: *«У цябе за акном мяцеліца вые, мароз трашчыць, а тут лета. <...> спяшыць машына хутчэй тваю дачку на мора завезці, ад смерці выратаваць»* [47, с. 127]. Следующее письмо называется «Генуя». В нем героиня сообщает матери, что постоянно находится возле моря и выздоравливает. В восьмом письме – «Ментона», Анелька сообщает, что получила ответ от матери. Героиня пытается утешить мать и рассказывает о море. Ментона является курортным городом, находящимся в тридцати километрах от Ниццы во Франции. В девятом письме («Ница») Анелька сообщает, что домой будет возвращаться не железной дорогой, а по морю, и рассказывает про свою попутчицу из Гродно, которая также едет домой. Смысл последнего письма «Трыест» можно передать фразой Анельки: *«<...> мамачка, нідзе так не пекна, як у нас»* [47, с. 129].

Рассказ «З дарогі» дает представление о событиях поездки А. Пашкевич за границу в 1913 г. В Дрезден героиня приезжает ранней весной, в субботу, накануне какого-то особого праздника. Единственным значительным праздником в этот день могла быть католическая пасха, которая в 1913 г. праздновалась 10 (23) марта. Таким образом, в Дрезден героиня рассказа приехала 9 (22) марта 1913 г. Теперь совершим абдуктивное предположение, что рассказ А. Пашкевич действительно автобиографический, и спроецируем его события на биографию автора. Результат сопоставления следующий: 6 (19) марта 1913 г. поэтесса успешно окончила семестр во Львовском университете, но ее здоровье сильно ухудшилось, врачи рекомендовали поездку на море. Поэтесса решила съездить в Италию, где она уже однажды была, и получила приятные впечатления. Окончив семестр, А. Пашкевич села в поезд из Львова до Дрездена. В рассказе об этом решении написано следующее: *«Хоць доктар забараніў затрымацца на дарозе, казаў ехаць проста на мора, але я не вытрывала, каб не паглядзець на горад Дрэздна. Вельмі пекны горад над ракою Эльбай»* [47, с. 124]. Сюда поэтесса приехала субботаим вечером 9 (22) марта 1913 г. В Дрездене она находилась как минимум два дня; в воскресенье посетила музей и взглянула на Сикстинскую мадонну. Однако полотна Рафаэля ей понравились в меньшей степени, чем работы Микеланджело Буонарроти и Леонардо да Винчи, которые Тётка видела в Риме. Из Дрездена она отправила открытку Ю. Билюнас. Вероятно, на следующий день путешествие в Италию было продолжено. На длительное время А. Пашкевич остановилась лишь в Генуе, где и почувствовала облегчение от своего недуга. Затем она посетила Ментону и Ниццу на юге Франции и оттуда по морю вернулась домой. Следует учитывать, что до 1913 г. во Франции поэтесса никогда не была, и вряд ли бы стала включать в рассказ неизвестные

ей города. Скорее всего, путь назад проходил вокруг Апеннинского и Балканского полуостровов и далее в Черное море, а затем обратно во Львов. Вернувшись из поездки, поэтесса знала, что уже опоздала на учебу в новом семестре и не успела внести нужную плату. Подобная ситуация с ней уже случалась в 1910 г., поэтому после своего путешествия А. Пашкевич отправилась в Вильно. В. Луцевич писала, что Тётка участвовала в маевке в Вильно в 1913 г. [47, с. 259]. Данное мероприятие могло произойти 18 апреля (1 мая) 1913 г., если оно было согласовано с Григорианским летосчислением. Но поскольку основная часть населения в государстве жила по Юлианскому календарю, то, на наш взгляд, более вероятной является дата 1 (14) мая 1913 г. С 6 (19) марта по 1 (14) мая Алоиза Пашкевич вполне могла успеть совершить описанную поездку.

Наше объяснение соответствует всем **критериями выделенным в концепции А. Мегилла**: 1) оно представляет достаточное количество фактов, среди которых: наличие открытки к Ю. Билюнас, совпадения в датах и последовательности событий, присутствие в рассказе упоминаний о ранней поездке в Италию и посещение Анелькай французских городов, где А. Пашкевич ранее не могла быть; 2) объяснение не требует иных вспомогательных гипотез, кроме гипотезы об автобиографичности рассказа и, следовательно, является достаточно простым; 3) данная поездка, совершенная с целью восстановления здоровья, не была единственной в биографии поэтессы и потому объяснение соответствует критерию аналогичности; 4) о том, что А. Пашкевич в 1913 г. совершила поездку с целью лечения, свидетельствуют как воспоминания Ю. Билюнас, так и отправленная Тёткой открытка из Дрездена. Поездка в нашем объяснении является зафиксированным действием, вокруг которого построено рассуждение, что соответствует четвертому критерию. Таким образом, данное объяснение окончания учебы А. Пашкевич соответствует **тотальности** всех известных исторических фактов, и в соответствии с концепцией А. Мегилла, является достаточно правдоподобным.

В скором времени после поездки здоровье поэтессы вновь ухудшилось. В июле 1914 г. она, желая поправиться, ездила в Финляндию. В августе 1914 г. началась Первая мировая война и А. Пашкевич стала сестрой милосердия в одном из лазаретов. 10 (23) февраля 1915 г. в прифронтовых боях недалеко от Гродно погиб ее брат Юзеф Пашкевич, что стало трагедией для поэтессы [47, с. 43]. В начале сентября 1915 г. германские войска заняли Вильно. Тётка решила не уезжать в эвакуацию и вместе с А. Луцкевичем занялась открытием белорусских школ. В начале 1916 г. от тифа умер ее отец и А. Пашкевич отправилась в Лиду, чтобы его похоронить. После этого Тётка поехала в Старый Двор, где оставалась ее младшая сестра Зося. Бушевала эпидемия тифа

и поэтесса пыталась помочь землякам в такое тяжелое время, однако заразилась сама и умерла 5 (18) февраля 1916 г. [47, с. 44].

Таким образом, мы считаем, что А. Пашкевич вынуждена была оставить университет из-за ухудшения здоровья. Для облегчения своего состояния, она отправилась к морю – в Италию и Францию, однако вернуться к положенному сроку не успела. После этого поэтесса поехала в Вильно, где занялась просветительской работой и играла в театре. Здоровье А. Пашкевич было подорвано, поэтому она решила прервать обучение, но работу над диссертацией не оставляла. С началом противостояния, в котором Россия с Австро-Венгрией оказались по разные стороны фронта, возвратиться в университет поэтесса уже не могла. До наступления мира она не дожила, став, как и миллионы людей, жертвой эпидемий, так часто приходящих с войной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование этапов жизненного пути А. Пашкевич является актуальной задачей современного социально-гуманитарного знания. Несмотря на то, что существует достаточно богатый фонд источников, раскрывающих разные аспекты ее жизни и творчества, научная биография поэтессы не написана. Ключевые работы ученых сфокусированы на литературном наследии Тётки, а биографическая сторона анализа ее личности по-прежнему остается далека от научного осмысления.

В основе нашего исследования лежит концепция А. Мегилла о четырехчленной матрице нарративного историописания. Составными частями нарратива в данной концепции названы описание и объяснение, структурирование которых происходит посредством датировки событий и установления их последовательности. Датировка в дипломной работе корректируется с помощью исторической хронологии и с учетом специфики сосуществования Юлианского и Григорианского календарей в жизни Тётки. Для аргументации были использованы абдуктивные предположения, направленные на выявление причинно-следственных связей между событиями биографии А. Пашкевич, мотивами ее поступков и историческим контекстом.

Для применения методики нарративного историописания нами был выбран период эмиграции Тётки в Австро-Венгрию, который продолжался с февраля 1906 г. до мая 1913 г. Предпосылками, определившими ее выезд за границу, стали политические, образовательные и медицинские факторы; главная причина эмиграции – угроза ареста. Находясь за границей, А. Пашкевич сосредоточилась на учебной и культурно-просветительской работе. В 1906 г. она опубликовала два поэтических сборника, написала несколько книг для белорусской школы, участвовала в создании газеты «Наша доля» и поступила во Львовский университет в качестве экстраординарной студентки. По окончании семестра (в апреле 1907 г.) из-за ухудшения здоровья А. Пашкевич вынуждена была прервать процесс обучения и переехать в Закопане. Через год, поэтесса продолжила учебу в Ягеллонском университете, где окончила два семестра и в апреле 1909 г. вернулась во Львов. В этот же период она приступила к работе над диссертацией по теме «Шопка и батлейка на Белой Руси и их связь с польской драматической литературой» и занялась подготовкой документов для имматрикуляции. Однако перевестись в ординарные студентки Тётке удалось только в 1912 г., а из десяти семестров лишь два последних были засчитаны как пройденные ею в этом качестве.

За три года с августа 1909 г. по август 1912 г. А. Пашкевич совершила как минимум семь поездок в Российскую империю, большая часть которых пришлась на внеучебное время. Эти поездки связаны, во-первых, с закрытием

дела по Ново-Вилейскому сообществу в 1909 г., во-вторых, с венчанием Тётки с С. Кайрисом в феврале 1911 г., которое способствовало ее легализации в России. В эмиграции А. Пашкевич увлеклась сценическим искусством и в 1911 г. присоединилась к театральной труппе И. Буйницкого.

Возвращение А. Пашкевич из эмиграции связано с ухудшением состояния ее здоровья: весной 1913 г. она совершила поездку в Италию и Францию с целью лечения. В этой связи поэтесса не смогла приступить к учебе в новом семестре, но продолжала работать над диссертацией и надеялась на возвращение в университет. К сожалению, с началом Первой мировой войны, в которой Россия с Австро-Венгрией оказались по разные стороны фронта, это стало невозможно. До окончания войны А. Пашкевич не дожила, став жертвой эпидемии тифа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабей, Л. Выбранныя творы / Л. Арабей; прадм. Л. Савік. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2013. – 608 с.
2. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі са старажытных часоў да 1917 г. / Лазарук, М.А. [і інш.]; пад агул. рэд. М.А. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
3. Беларусы: у 13 т. / рэдкал.: М.Ф. Піліпенка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка [і інш.]; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск: Беларуская навука, 1995 – 2012. – Т. 13: Тэатральнае мастацтва. / А.І. Лакотка (наук. рэд.). [і інш.]. – 2012. – 758 с.
4. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ). Фонд 3. – Оп. 2. – Д. 4. Документы Цёткі (А. Пашкевіч-Кайрыс): Пасведчанні, Заліковая кніжка, Характарыстыка, праграма па зборы матэрыялаў пра батлейкі Беларусі і інш. За 1901 – 1912 гг. На беларускай, нямецкай, польскай, рускай мовах.
5. БГАМЛИ. Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 291. Редакция газеты «Літаратура і мастацтва» №39. В. И. Пивторадний «Цётка ў Львове». – Л. 35–36.
6. БГАМЛИ. Фонд 403. – Оп. 1. – Д. 10. Мядзёлка П. В. «Сцежкамі жыцця». Успаміны. Вільня. 1912 – 1914 гг. Ваенныя 1914 – 1917-гг. У таварыстве беларускай драмы і камедыі.
7. БГАМЛИ. Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 496. Редакция журнала «Полымя». – Л. 89–91.
8. Вспомогательные исторические дисциплины: учебное пособие / В.Б. Кобрин [и др.]; Под ред. В.Г. Тюкавкина; – Москва: Просвещение, 1984. – 208 с.
9. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск.: Экаперспектыва, 2000 – 2011. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2005. – 519 с.
10. Энциклопедія історії України: у 10 т. / редкол.: В.А. Смолій (голова) [та ін.]. – Київ : Наук. думка, 2003 – 2013. – Т. 6: Энциклопедія історії України: Ла – Мі / В.А. Смолій (голова) [та ін.]. – 2009. – 784 с.
11. Ермолаев, И.П. Историческая хронология / И.П. Ермолаев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1980. – 246 с.
12. Кабржыцкая, Т.В., Рагойша, В.П. Карані дружбы. Беларуска-украінскія літаратурныя ўзаемасувязі пачатку XX ст. / Т.В. Кабржыцкая, В.П. Рагойша. – Мінск : Выдавецтва БДУ, 1976. – 256 с.

13. Кайгородова, Т.В. Первый российский учебник хронологии / Т.В. Кайгородова // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – Номер 4-2. – С. 67–70.
14. Кругликова, Г.И. К истории создания исторической хронологии / Г.И. Кругликова // Историко-педагогические чтения. – 2003. – Номер 7. – С. 92–99.
15. Кузенков, П.В. Христианские хронологические системы. История летосчисления в святоотеческой и восточнохристианской традиции / П.В. Кузенков. – М: Русский издательский центр имени святого Василия Великого, 2014. – 992 с.
16. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларускі час. Летазічэнне ў Беларусі са старажытнасці да сучаснасці / С.Я. Куль-Сяльверстава. – Гродна: ЮрСаПрынт, 2014. – 202 с.
17. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. В.И. Матузовой; коммент. Д.Э. Харитоновича. – Москва: Ладомир, 2001. – 800 с.
18. Луцкевіч, А. Да гісторыі беларускага руху / А. Луцкевіч. – Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2010. – 346 с.
19. Мегилл, А. Историческая эпистемология: Научная монография / А. Мегилл – М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2007. – 480 с.
20. Настусевич, С.В. О возможностях применения исторической хронологии в биографике (на примере биографии Тётки) / С.В. Настусевич // Антропология времени: сб. науч. ст.: в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.Е. Автухович (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2016. – Ч. 2. – С. 204–211.
21. Наша Доля – 1906 год. – №1, 1 верасня, – С. 1.
22. Наша Доля – 1906 год. – №2, 15 верасня, – С. 3–4.
23. Наша Доля – 1906 год. – №3, 20 верасня, – С. 3–4.
24. Наша Ніва – 1906 год. – №1, 10/23 лістапада, – С. 4–5.
25. Наша Ніва – 1908 год. – №1, 4/17 студзеня, С. 1.
26. Наша Ніва – 1908 год. – №2, 18/31 студзеня, С. 1–4.
27. Наша Ніва – 1908 год. – №3, 1/14 лютага, С. 1.
28. Наша Ніва – 1908 год. – №5, 16/29 лютага, С. 6.
29. Наша Ніва – 1909 год. – №2, 9/22 студзеня, С. 18.
30. Наша Ніва – 1909 год. – №5, 29 студзеня / 11 лютага, С. 70–79.
31. Наша Ніва – 1910 год. – №10, 4 сакавіка, С. 156.
32. Наша Ніва – 1910 год. – №44–45, 5 ноября, С. 682–683.
33. Наша Ніва – 1910 год. – №46, 11 ноября, С. 693–694.
34. Наша Ніва – 1910 год. – №47, 18 лістапада, С. 705–707.

35. Нікалаеў, М.В. Беларускі Пецярбург / М.В. Нікалаеў. – СПб: «Агентство «Вит-принт», 2009. – 535 с.
36. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. В. П. Анисимова, 1903. – 250 с.
37. Пашкевіч, А. Карусь Каганец: «Кроў з крыві беларуса...» / А. Пашкевіч. – Мінск: Харвест, 2013. – 64 с.
38. Рагойша, В. Кантакты: літаратурна-крытычныя артыкулы, эсэ / В. Рагойша. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. – 223 с.
39. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв. Социальная теория и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
40. Семашкевіч, Р.М. Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Петербурзе (канец XIX – пачатак XX ст.) / Р.М. Семашкевіч. – Мінск: Выдавецтва БДУ, 1971. – 136 с.
41. Сідарэвіч, А. Да гісторыі Беларускай Сацыялістычнай Грамады: агляд крыніцаў / А. Сідарэвіч // АРСНЕ. – 2006. – № 5 – С. 221–230.
42. Стайс, Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860 – 1930 / Р. Стайс; пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 616 с.
43. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / А.О. Чубарьян [отв. ред.]. – Москва: Аквилон, 2014. – 576 с.
44. Туронак, Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі / Ю. Туронак. – Мінск: Медысонт, 2006. – 180 с.
45. Унучак, А.У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906-1915 гг.) / А.У. Унучак. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – 186 с.
46. Устав о паспортах (Св. Зак. т. XIV, изд. 1903 г. и по прод. 1906, 1908, 1909, 1910 гг.) / сост.: Л.М. Роговин. – СПб: Издание юридического книжного магазина И. И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1913 г. – 328 с.
47. Цётка. Выбранные творы / Цётка; уклад., прадм. В. Коўтун; камент. С. Александровіча, В. Коўтун. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2001. – 336 с.
48. Цьвікевіч, А. «Западно-Руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Цьвікевіч; 2-е выданне. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
49. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.) / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. – СПб.: Типография акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1890 – 1907. – Т. 11а: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Евреиновы – Жилонь / К.К. Арсеньев, Ф.Ф. Петрушевский. – 1894. – С. 467–958.

- 50.Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М.В. Біч(гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск.: Беларуская Энцыклапедыя, 1993 – 2001. – Т. 1: Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: А – Беліца / М.В. Біч (гал. рэд.) [і інш.]. – 1993. – 494 с.
- 51.Яфімава, М.Б. Аўтарства бяспрэчнае / М.Б. Яфімава // Польша. – 1997. №6. Міжнародная навуковая канферэнцыя «Жаночае аблічча Беларусі». – С. 257–259.
- 52.Encyclopedia. Львівський національний університет імені Івана Франка: у 2 т. / редкол.: І.О. Вакарчук (голова) [та ін.]. – Львів : ЛНУ імені Івана Франка, 2011 – 2014. – Т. 1: Encyclopedia. Львівський національний університет імені Івана Франка: А – К / І.О. Вакарчук (голова) [та ін.]. – 2011. – 716 с.
- 53.Kawalec, A. Seminaria historyczne na Uniwersytecie Lwowskim: podstawy prawne i organizacja (1852-1918) / A. Kawalec // Історія та історики у Львівському університеті: традиції та сучасність (до 75-ліття створення історичного факультету): колективна монографія / редкол.: Л. Зашкільняк, П. Серженга. – Львів : ПАІС, 2015. – С. 342–353.